

18+

Чебыкин Александр
Федорович

Русь моя неоглядная

Александр Федорович Чебыкин

Русь моя неоглядная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649428

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге поэта и публициста, офицера и педагога соединилось несколько творческих начал. Перед нами не мозаика, а панорама, галактика жизни. Традиции русских повестей XVII века и мирового эпоса, литературных новейших тенденций – все слилось в цельной картине. Книга поразительна выстраданной добротой, радостью жизни – при резкости взгляда, при страшной крутизне сюжетов. На крутых поворотах – живые порывы чувства и ума. Читателя ждут откровения и духовные потрясения, из которых выходишь с новой жаждой бытия.

Содержание

О книге Александра Чебыкина «Русь моя неоглядная»	7
Глава 1. Русь и русичи	10
Истоки духа российского	13
Великий Новгород	19
Святогорье	23
Ясная Поляна	33
У начала государства Российского	37
Волжские твердыни	41
Бородинское поле	46
На Куликовом поле тишина	53
Картофелины	58
Очаровательная Анна	62
День Победы	68
Горькое слово «победа»	72
Кузнец Егор	87
Почтальон Степан	91
Кокшаровские старики	95
Вороний глаз	100
Учитель	106
Конец ознакомительного фрагмента.	118

05.09.1930–18.03.2008

О книге Александра Чебыкина «Русь моя неоглядная»

В книге поэта и публициста, офицера и педагога соединилось несколько творческих начал. О них говорят уже названия пяти основных разделов, естественно увязанных меж собой: «Деревенские были», «Русь и русичи», «Воинская доблесть», «Марко» (повесть о поруганной любви в пору, когда свои истребляли своих, в 20-е годы) и «Лирика».

Музе мастера-самородка не чужды ни земные радости, ни высоты духа. Она дарит открытия и бывалому путешественнику-ходоку, и любителю неведомой старины, и искушенному филологу. Как в прежние и недавние времена укрепляли мужскую силу и умели доставить женщине самые удивительные удовольствия – право же, любого удивят такие были, как «Бабы утехи» или «Веселуха», «Баня», «Черт». И как влюбленные борются со всем миром за свое чувство – об этом вы узнаете в повести «Марко».

Радость бытия естественно переходит в познание его безмерности, со всеми драмами неоглядного, сложного мира. Откуда пошла Русь? Почему так кровопролитны были сражения второй мировой? Об этом и многом ином – книга фронтовика-лирика, ценителя и знатока неоглядного русского мира...

Перед нами не мозаика, а панорама, галактика жизни. Традиции русских повестей XVII века и мирового эпоса, литературных новейших тенденций – все слилось в цельной картине. Слог Чебыкина узнаваем, и в этом – залог успеха его поисков.

Конечно, можно к чему-то в книге придраться (не все в равной мере обработано); вспомним, как придирались к пушкинскому образу «на берегу пустынных волн», лермонтовскому сравнению с косматой львицей.

Но каждого судят в меру цельности – судят его собственный образный мир, судят авторитетные ценители. Тепло отозвался о книге живой классик родной словесности Виктор Лихоносов, не склонный к пустым похвалам.

Книга А. Чебыкина в самом деле поразительна и в наше время, когда поражаешься непрестанно, когда от других поражений идешь вперед к другим (если чуть перефразировать другого замечательного земляка, Михаила Куликовского). Книга поразительна выстраданной добротой, радостью жизни – при резкости взгляда, при страшной крутизне сюжетов. На крутых поворотах – живые порывы чувства и ума. Читателя ждут откровения и духовные потрясения, из которых (как писал созвучный Чебыкину Николай Лесков) выходишь с новой жаждой бытия.

А. Факторович,

член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук,

декан факультета журналистики КубГУ
17.01.2000 г.

Искренне простые рассказы А. Чебыкина мне понравились.

*Писатель Виктор Лихоносов
(1999, декабрь)*

Рассказы бывшего человека А. Чебыкина, прошедшего свою трудную жизнь, интересны своей достоверностью. Они написаны с теплотой и юмором о россиянах. Включенные в книгу стихотворения требуют совершенствования, но в них есть душа.

*Поэт И. Варава
(16.01.2000 г.)*

«Жизнь не возвращается, но она безвозвратно уходит», – ключевые слова книги. Книга «веселая и печальная, как круговорот бытия». Рассказы можно включать в исторические пособия как иллюстрации уходящей эпохи.

Журналист С. Канакина

Глава 1. Русь и русичи

Истоки духа российского

Для жителя средней полосы Ярославщина, Вологодчина – это центр России. В его понятии север – это побережье Беломорья и Северное Зауралье. Для нас, южан, все, что выше Москвы, – север. Мне давно хотелось побывать на северных окраинах Древней Руси. Если в средние века центром Русского государства являлись Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Москва, Смоленск, Новгород, то Заволжье считалось окраиной русской земли. В этом году я решил познакомиться с землями по прямой линии от Москвы на север: Ярославлем, Вологдой, Архангельском...

Ярославль – один из древнейших городов. В начале XI века (в 1010 году) на высоком крутом берегу Волги, у слияния с ней реки Которосли, князь Ярослав Мудрый основал город, названный его именем. Построенный деревянный Кремль – рубленый город – стал новым оплотом княжеской власти на беспокойной окраине Ростово-Суздальского княжества. В 1218 году Ярославль становится столицей самостоятельного Ярославского удельного княжества. К этому времени относится появление первых каменных сооружений. На рубеже XII–XIII веков на берегу Которосли был заложен Спасский монастырь – форпост на западных подступах к городу.

Это город, в котором было найдено уникальное произведение древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве».

ве».

В середине XV века Ярославль теряет статус столицы самостоятельного княжества и входит в состав Московского государства. Экономический расцвет Ярославля обусловил его бурное строительство. В начале XVI века в Спасском монастыре формируется прекрасный архитектурный ансамбль, в который входят Спасо-Преображенский собор, Святые ворота с уникальной росписью, трапезная палата, звонница. В XVII столетии Ярославль вписывает свою золотую страницу в историю русской культуры. В городе появляются ансамбли Ярославской школы архитектуры: церковь Николы Наденна, храм Ильи Пророка, церкви Иоанна Златоуста, Николы Мокрого, Иоанна Предтечи и другие. Велико историческое и культурное значение памятников архитектуры и живописи древнего Ярославля. Они предстают перед нами подлинными шедеврами мастерства замечательных древнерусских зодчих, в которых нашли свое выражение мысли русского народа, его мироощущение, представление о прекрасном.

Ярославль – это город, где возник русский театр, основателем которого был Ф. Волков. Ярославская земля – родина Н. А. Некрасова, маршала Ф. И. Толбухина, первой женщины-космонавта В. Терешковой. Это город высокой культуры, город-труженик. Город, где сконцентрирована современная промышленность, но он в то же время чистый и опрятный. Вокруг него – плодотворные земли и сосново-лиственные леса.

Резкая граница пролегает между лесами Ярославщины и голой, взлохмаченной, изрезанной оврагами Вологодской землей. Покидая Ярославскую землю с ее пышными лесами, думал, что раз Вологодская область северная, то и леса будут гуще и хвойных пород будет больше. Но увидел печальную картину безлесья и бесхозяйственности. Говорят, что в 60-е годы Вологодское руководство распродало леса на Кубань и Украину. Колхозы стали миллионерами, но миллионы-то были мертвым капиталом, на них нечего было покупать: ни цемента, ни шифера достать было негде и дороги строить было некому. Сейчас колхозы сами закупают лес в соседних областях, платя за него втридорога, плюс доставка – и улетают в трубу миллионы, бездумно нажитые.

Вологда – один из древнейших русских городов, первое упоминание о котором относится к 1147 году, она ровесница Москвы. Древний город служил «воротами» на север, был крупным торгово-ремесленным центром русского государства. Недаром Иван Грозный хотел сделать его столицей русского государства. Отсюда, за 130 километров, ходил он пешком на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Впоследствии, в связи с постройкой Петербурга, торговое значение Вологды снизилось.

В 1918–1920 годах Вологда стала центром борьбы с иностранными интервентами на севере. В городе находился штаб шестой армии. Вологодская земля – родина маршала И. Конева, космонавта П. Беляева, авиаконструктора С. Илью-

шина, физиолога Н. Введенского, поэта К. Батюшкова, писателя В. Гиляровского, художника-баталиста В. Верещагина. Горожанами сохранены и отреставрированы домик Петра I, здание, где жил и работал поэт К. Батюшков, которому на берегу реки Вологды сооружен интересный ансамбль-памятник. Привлекают внимание замечательные памятники древней архитектуры: Вологодский кремль (XVII век) и Софийский собор (XVI век) с удивительной росписью стен.

Архангельск. Начитавшись об экзотике Беломорья, я имел своеобразное представление об этом городе. Я представлял себе его среди тундры с деревянными постройками и дощатыми тротуарами, а вдали на горизонте – льды Северного Ледовитого океана.

Последние числа июня, белые ночи, поезд прибывает в четыре часа утра, а солнце бьет яркими лучами из-за горизонта по крышам домов. От вокзала до Северной Двины идет широкая прямая улица, застроенная красивыми современными белокаменными домами. В конце улицы справа – огромная площадь имени В. И. Ленина, на которой стоит памятник великому человеку эпохи. Вот обелиск «Север», воздвигнутый в честь первопроходцев и тружеников Севера. С душой и изяществом обрамлена набережная Северной Двины. В сквере – памятник Петру I. В городе он побывал дважды. Город живет в единстве с рекой – водной артерией Севера. Все подчинено режиму реки. Широкая, могучая, полноводная Двина смотрится впечатляюще, несмотря на жар-

кое сухое лето нынешнего года.

От речного вокзала за полчаса добираюсь до «Малых Канел» – столицы деревянного зодчества северного края России. Издали виднеются маковки деревянных церквей и крылья ветряных мельниц. Это город дерева.

Музей деревянного зодчества Севера расположен на четырех холмах, изрезанных оврагами, в которых то тут, то там бьют родники. На каждом холме восстановлены постройки, вывезенные из определенного региона, с характерной для данного района застройкой усадьбы. Культ дерева во всем: ложки, кружки, солонки, чашки, туеса, стулья, столы, лавки, кровати, квашни, прялки, ведра, лохани, рогожки, корзины, лопаты, люльки, волокуши, сани, телеги, бороны, сохи, лапти – вплоть до колодезного ворота до трех метров в диаметре. Дворовые постройки все из сосны, нижние венцы в два обхвата. Избы на десять-двенадцать окон обычно в два этажа. Нижний этаж для хозяйственной деятельности, второй – для отдохновения и красоты. Все слажено искусно, с толком, ничего лишнего; каждая деталь выполняет не только производственную функцию, но и несет эстетическую нагрузку. Россиянин Севера с молоком матери впитывал не только любовь и уважение к труду, но и красоту окружающего его мира, предметов, которыми он пользовался. Собо-ры, церкви, часовни, построенные без единого гвоздя, для глаз одно очарование. Здесь возродились колокольные звоны. Отсюда они разбежались снова по всей Руси: Новгород,

Загорск, Суздаль, Ростов Великий, Киев...

Побывайте в наших северных городах, причаститесь к истокам духа российского, к красоте человеческой, к душе нашей Родины.

1985, июнь

Великий Новгород

Каждый человек, если он настоящий патриот, интересуется историей своей страны. Читая летописи Нестора, мы видим, что нашим далеким предкам было интересно знать: кто они? Откуда они? Где их изначальный корень? Одним словом, откуда пошла Русская земля. Одно время я заинтересовался историей Прикамья и своей деревни Чебыки, которая просуществовала 200 лет (1775–1976 годы). Сейчас на ее месте только березки и черемуха. Деревню обосновал Калина Чебыкин. А откуда сам род Чебыкиных? Пришлось заняться историей и архивами.

Поиск вывел на границу Архангельской, Кировской и Вологодской областей, то есть на бывшие владения Великого Новгорода, откуда шло заселение этих земель. Новгород интересовал меня еще вот почему. Как-то в одном из журналов прочел о «Памятнике 1000-летию России», поставленном в Новгороде в 1863 году. Сразу возникли вопросы: почему не в Киеве (Киевская Русь), не во Владимире (Владими́ро-Суздальское княжество, в которое входила Москва)?

Наконец удалось навестить «господин Великий Новгород», а также Псков – вотчину Новгорода – и дорогие каждому из нас пушкинские места.

Впервые Новгород как город упоминается в летописи 859 года. Город невелик: за день можно обойти вдоль и поперек.

Недалеко от вокзала, похожего на терем, начинается кольцевой вал, который хорошо сохранился и местами достигает высоты трех метров.

Центр Новгорода – это Кремль, в первичном названии – детинец. Вначале город был обнесен частоколом из бревен, заостренных сверху, с деревянными сторожевыми вышками. В XI веке начинается строительство каменных стен. Материалами для строительства были гранитные валуны, некоторые глыбы весили до нескольких тонн. Стены у основания доходили до трех метров. Враги десятки раз штурмовали город, но гранитные стены выдержали натиск. За историю города он всего дважды был захвачен врагом. При Иване III стены были обложены красным кирпичом. Новгородский Кремль очень похож на Московский, и в нем тоже есть Спасская башня. Самое большое впечатление производит Софийский собор, который главенствует над всем Кремлем. Массивный, тяжелый внутри, легкий, изящный, величавый снаружи собор построен в первой половине XI века и отражает характер той эпохи. Он соперничал с Софией Киевской. В XI–XVI веках он был виден за десятки километров с Волхова, так как строился на самой высокой точке города. Сейчас вокруг собора здания XVI–XVII веков, некоторые постройки прислонились вплотную к собору, чем скрадывается его величие и первоначальная красота сочетания объема и пространства. Хорошо бы убрать более поздние постройки, не представляющие исторической ценности, вернуть собору первоначаль-

ный пространственный облик.

Из всех более поздних построек интересна звонница. Почему-то колокола, снятые перед захватом города фашистами, до сих пор стоят на земле...

Большой интерес представляет Грановитая палата, построенная в XV веке, где создана постоянная выставка «Декоративно-прикладное искусство X–XV веков». На вечевой площади – могилы Г. Р. Державина и его жены, прах их перенесен из родового имения, расположенного недалеко от Новгорода. Причины этого перенесения непонятны, ведь поэт завещал похоронить себя в имении. А на вечевой площади уместен был бы, по-моему, памятник Александру Невскому. Тем более, что в 1992 году наша страна отмечала 750-летие Ледового побоища на Чудском озере, а для России это сражение против поработителей равно Куликовской и Бородинской битвам за честь и неприкосновенность Родины.

«Памятник 1000-летию России» монументален, полон глубокого философского содержания. Он заставляет задуматься. Гитлеровцы хотели его уничтожить, он был уже распилен и только благодаря наступлению советских войск спасен. Величие памятника – величие России. Хотя и входил Новгород в Киевскую Русь, но он был, действительно, «господином Великим Новгородом»: он сохранил свою независимость и самостоятельность (вече смещало и приглашало князей); расположенный на перекрестке торговых путей, он занимал важное стратегическое положение. Земли Новгоро-

да охватывали громадные пространства от Балтики до Белого моря и простирались за Урал (Каменный пояс). Ведутся раскопки древнего Новгорода. Откопаны постройки IX века. Они расположены очень плотно. Избы были небольшие, улицы неширокие, три-четыре метра, и более широкие, шесть-семь, метров, вымощенные бревнами. За века таких мостовых, друг на друге накопилось более десятка...

Современные новгородцы внешне мало чем отличаются от новгородцев IX–XIII веков. Голубоглазые, приветливые, добродушные, чистосердечные, трудолюбивые.

Побывайте в Новгороде! Интересна не только история города, но и его люди!

1984, июнь

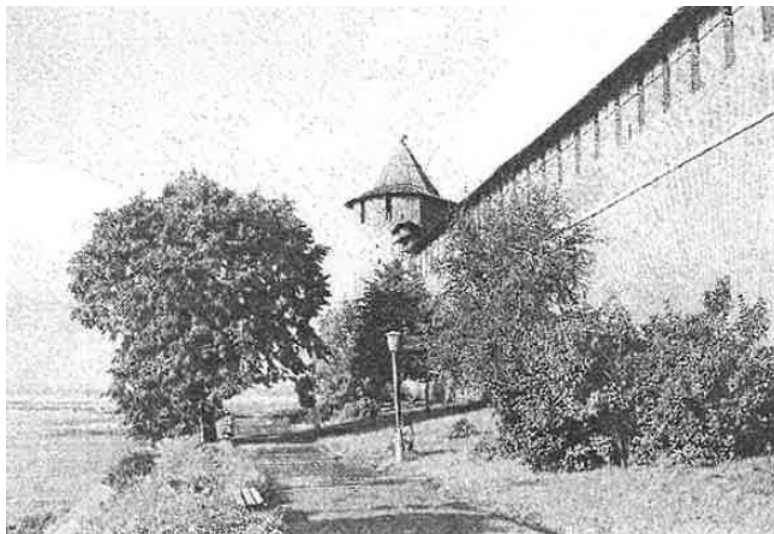
Святогорье

Дальше мой путь лежал в Псков. В городе был всего день. Посетил Кремль и другие исторические места, но особенно запомнился памятник А. С. Пушкину и няне Арине Родионовне, поставленный в центре города. Из Святогорья в Михайловское ходит автобус, но лучше пройти пешком. Когда человек идет к святыне, одна волна мыслей заглушает другую. Вспомнилось все, что читал о А. С. Пушкине, вспомнились его стихи. Особо красивая дорога начинается от запруды, где в старину стояла водяная мельница, а сейчас реставрирована усадьба и дом мельника. Огромные разветвленные рыже-желтые сосны купались в лучах солнца, их подпирали вязы, дубы, березки, ели – с бликом яркого света на ветвях и листьях. Внизу под пологом деревьев густо разросся черничник. Ухоженная широкая песчаная тропа вела в гору. Вот вершина холма, фамильная часовня Ганнибалов – Пушкиных. Спускаешься вниз по еловой аллее. Елочки еще молодые, старые ели вырубил гитлеровцы. Это уже начинается парк Михайловского. Деревья посажены упорядоченно, в основном ели, стройные, высокие. Кое-где в подлеске проглядывают березки и молодые рябинки. Аллея Анны Керн невелика, она со старыми липами. Наверное, во времена Пушкина лес был молодой, и липки были молодые, и было больше солнца. Сейчас липы разрослись и дают густую плотную

тень. Солнце почти не пробивается на аллею. По изящным арковым мостам, переброшенным через пруды, выходишь к усадьбе.

Новгород Великий. Памятник 1000-летию России. Софийский собор.

Нижний Новгород. Крепость

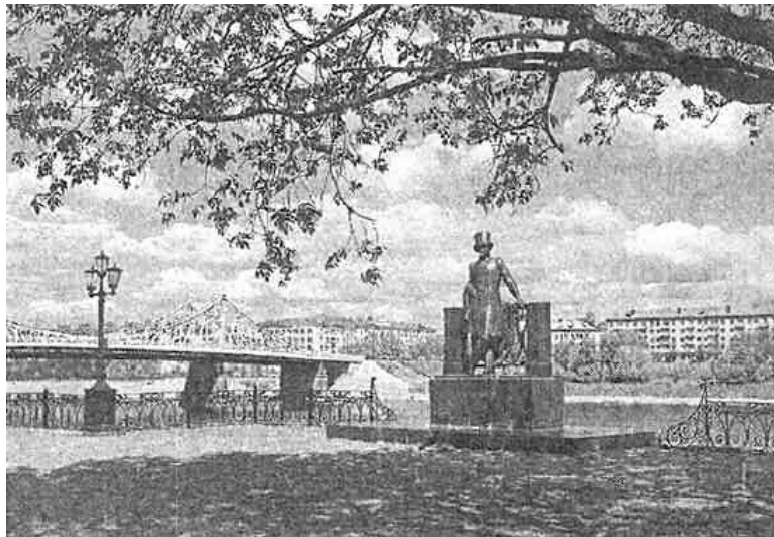
Суздаль

Владимир. «Золотые ворота»

Устюг Великий

Тверь. Набережная Волги. Памятник А. С. Пушкину

Ярославль. Театр им. Волкова

Хабаровск Памятник Хабарову

МИХАЙЛОВСКОЕ – это родовое имение Ганнибалов – Пушкиных. В 1742 году императрица Елизавета Петровна пожаловала здешние земли Абраму Петровичу Ганнибалу – арапу Петра Великого. Дом Пушкиных стоит в центре усадьбы, на холме, над крутым спуском к Сороти. Со склона холма открывается чудный вид на долину реки. Пушкин много раз был в Михайловском, но самым продолжительным периодом его жизни в Михайловском были годы ссылки с 9 августа 1824 года по сентябрь 1826 года. Здесь им было написано

более ста художественных произведений, в том числе «Борис Годунов», главы «Евгения Онегина», «Деревня» и другие.

Был теплый солнечный день. Четыре раза я проходил с экскурсиями. Очарованный, бродил потом по всем закоулкам усадьбы. Казалось, вот-вот Александр Сергеевич выйдет и скажет: «Здравствуй, спасибо, что пришел поклониться, но не мне, а России!».

От запруды до Святогорья, а затем до Пскова подвез меня такой же паломник с сынишкой из Ленинграда. Тихо в Святогорском монастыре. Идут, идут группы, неся в себе поклонение и печаль. Святогорский монастырь весь утопает в зелени и спокойствии. Успенский собор монастыря расположен на крутом взгорье холма, напоминающего громадную скалу. Может, это насыпанный курган, потому что по склону холма – могилы разных времен и веков. После посещения могилы поэта, в помещении собора, особое внимание южному пределу, где размещены картины, изображающие дуэль, смерть поэта и похороны. На стене – последний портрет поэта, написанный за год до его гибели. Отмечено место, где стоял гроб, и была последняя панихида. Сложенный из грубого камня придел с чугунными решетками на окнах... Выходишь на солнце и еще раз возвращаешься к могиле на краю обрыва, и словно слышишь голос поэта: «Лети, великая многонародная Россия, вперед, не стой на месте, не дай себя врагам в обиду, храни чистоту свою и честь!».

1984, июнь

Ясная Поляна

Первые лучи солнца заиграли бликами на зубчатой стене Тульского Кремля. Бойко бежит автобус по просыпающемуся городу оружейников. Пригород утопает в плотной зелени яблоневых садов. Впереди – Косая гора, сбоку дороги – река Воронка, остановка «Ясная Поляна». Вправо – асфальтированная дорога. В стороне – ухоженная и утоптанная тропа. Спуск к речушке. В зарослях виднеются белые домики – это яснополянская больница, построенная по инициативе Л. Н. Толстого. Начинаются заповедные места. Тихо. Свободно дышится и легко шагается. Две каменные сторожки по бокам дороги обозначают ворота усадьбы. Жду открытия. Плотной группой двинулись по «Главному проспекту», так шутя называл Л. Н. Толстой березовую аллею, ведущую от ворот к дому писателя. Слева – большой пруд, справа – каскад из трех прудов.

Места прекраснейшие. Природа облагораживает и одухотворяет. Постройки усадьбы раскинулись по взгорью. Первый дом снизу с колоннами, второй выше – флигель среди огромных ясеней – все это когда-то было имение князя Волконского, на дочери которого женился отец Л. Н. Толстого, и имение по наследству перешло к Л. Н. Толстому.

Во флигеле Лев Николаевич пробовал открыть школу для яснополянских детей, а после ее закрытия царским прави-

тельством, дабы не распространялись крамольные идеи на молодые души, дом выполнял роль гостиницы для приезжих поклонников. В доме с колонами была мастерская по изготовлению ковров и других ткацких изделий, и жили люди, обслуживающие усадьбу. Дом, в котором Лев Николаевич прожил почти 50 лет, он начал строить после Крымской войны. Дом был с красивым видом на Яснополье. С запада проходит Ясенева аллея. Весь южный склон занимает фруктовый сад, посаженный Львом Николаевичем. Комнаты на первом и втором этажах невелики, кроме гостиной, где много солнца и воздуха, обстановка скромная, без вычурности и излишества. В своем рабочем кабинете Лев Николаевич наводил порядок сам. Почти все комнаты в тот или иной период его жизни были рабочими кабинетами. Каждая комната создавала ему определенную творческую обстановку и душевный настрой. Так, например, в комнате под сводами, напоминающей келью, он написал «Отец Сергей», «Хаджи Мурат», «Живой труп». Внизу, в комнате рядом с передней, с окном на юг, где он заставил сделать нишу, куда поместил бюст любимого брата Николеньки, написал «Анну Каренину». Длительное время его кабинетом была комната рядом с залом, где он написал основные свои произведения, в том числе «Войну и мир». Дом изобилует книгами, их более двадцати тысяч, многие книги Лев Николаевич перечитывал несколько раз, на большинстве книг имеются его пометки.

Весь мир преклоняется перед величием его духа, его борь-

бой за преобразование общества, его стремлением жить с народом и для народа. Его близкие, в первую очередь жена, четыре сына, три дочери, невестки, видели в нем не только талант и душу народа, но обеспечение сытой и привольной жизни за счет его писательской деятельности. Все это заставило его совершить разрыв с обществом, сыном которого он был, что привело его к трагической гибели. Он был и остается гордостью и славой России, и идет к нему нескончаемый поток, да, именно поток людской, чтобы не только поклониться его величию, но и прикоснуться к истокам духа Российского и заставить себя переосмыслить: «Зачем живешь на Земле, человек, что ты сделал светлого, доброго для человечества, есть ли в тебе дух борьбы и упорства, терпения и величия?»

Творчество Л. Н. Толстого сопровождает нас всю жизнь. В детстве нам рассказывают его сказки, в отрочестве мы читаем «Детство», «Кавказский пленник», «Хаджи Мурат», в юности – «Казачьи рассказы», «Севастопольские рассказы». В школе подробно изучаем «Войну и мир», «Анну Каренину». И так всю жизнь. Каждому возрасту есть свои повести и романы.

Тропа ведет к могиле Льва Николаевича, титану мысли и разума человеческого. На стыке зарождающихся двух оврагов, под сенью деревьев невеликий продолговатый холмик – посреди зеленой солнечной полянки, огороженный согнутыми дугой ивовыми прутьями. Некоторые из них пустили

листочки, это напоминает вечно живую волшебную палочку счастья, о которой мечтали в детстве Николенька и Левушка.

Все в мире проходяще, но идея величия разума и духа человека вечна. Лев Николаевич родился 9 сентября, в начале учебного года, как светоч и сеятель знаний для грядущих поколений.

1986, сентябрь

У начала государства Российского

В одной из передач сообщалось о восстановлении колокольных звонов Ростова Великого. Недавно я там побывал. Ростов Великий – старейший город русской земли, первые упоминания о нем относятся к 862 году. С XII по XIV века Ростов являлся крупным хозяйственным и политическим центром северо-восточной Руси, одним из центров зарождения русского национального государства. При Григорьевском монастыре действовало училище, было крупное книгохранилище. С XI века в Ростове ведется летоисчисление. В 1474 году последний удел Ростовского княжества вошел во владения Московского князя Ивана III. В октябре 1608 года Ростов был захвачен и razорен отрядами Сапеги и Лисовского; через четыре года город был освобожден шедшим к Москве ополчением Минина и Пожарского. В период с 1632 по 1634 годы в Ростове ведется военное строительство. Создается двойная линия земляных укреплений. В 1670–1690 годы идет полная перестройка кремля. Создается комплекс культовых бытовых и оборонительных сооружений, объединенных в единое целое. В его составе – шесть храмов, соборная звонница, жилые и хозяйственные постройки, крепостная ограда с одиннадцатью башнями. Все это создает неповторимую художественную выразительность.

В 1883 году в Ростове начались восстановительные рабо-

ты по сохранению Ростовского кремля. В наше время здесь ведутся реставрационные работы по сохранению памятников архитектуры. Архитектурные ансамбли кремля, Яковлевского и Авраамиевского монастырей составляют часть городского пейзажа и определяют архитектурный облик Ростова. Ростов – единственное место, где сохранился старый народный промысел расписной эмали – финифть.

От Ростова, в общем-то, недалеко до другого древнего русского города – Суздаля. Его называют городом-музеем, сокровищницей национальной архитектуры. До наших дней он сохранился как уникальный архитектурный ансамбль, включающий около ста памятников старинного русского зодчества.

Первое письменное упоминание о Суздале относится к 1024 году. В конце XI века наряду с Ростовом Великий Суздаль – крупнейший город на северо-востоке могущественной Киевской Руси. В середине XII века при Юрии Долгоруком Суздаль становится столицей Ростово-Суздальского княжества. Древнейший памятник Суздаля – кремлевский собор Рождества Богородицы. Его нижняя белокаменная часть, относящаяся к 1222–1225 годам, украшена великолепной резьбой по камню. Сохранились фрагменты фресковой живописи XII века и уникальные ворота с золотым изображением на меди. После разорения Суздаля монголо-татарами политическая жизнь города замирает, и он превращается в крупный религиозный центр Московской Руси.

В XVII–XVIII веках в создании архитектурного облика Суздаля активное участие принимают посадские люди. По количеству памятников архитектуры и сохранности своего облика Суздаль не имеет себе равных среди других русских городов. В 1967 году постановлением Совета Министров СССР он был объявлен туристическим центром и городом-заповедником. Международная федерация журналистов и писателей по туризму (ФИЖЕТ) присудила Суздалю почетный приз – «Золотое яблоко».

К вечеру вернулся во Владимир. На высоком берегу Клязьмы увидел большой умытый город с переливами вечерней зари на макушках церквей и соборов. Владимир – один из древнейших русских городов, основанный в 1108 году князем Владимиром Мономахом. В XII веке при Андрее Боголюбском Владимир становится столицей Владимиро-Суздальского княжества. Начинается бурное развитие города...

От автостанции – на центральную улицу, которая начинается памятником М. В. Фрунзе. Главная улица Владимира четырежды меняла свое название... Памятник Александру Ярославовичу Невскому рядом с монастырем, в котором он был похоронен. Слева над обрывом – Дмитриевский собор, воздвигнутый зодчими князя Всеволода III. Небольшой по размерам, увенчанный одним куполом, он поражает изяществом и гармонией. Скульптурная резьба по камню выглядит, как прозрачное кружево...

Древний Ростов Великий, Суздаль, Владимир были пред-

течей зарождения Москвы, затем Московского княжества и Российского государства. Это наша история, наши корни.

1987, июнь

Волжские твердыни

Когда академик Лихачев поднял вопрос о возвращении многим городам, особенно наиболее древним из них (Калинин – Тверь, Горький – Нижний Новгород, Киров – Вятка), их исторических названий, появилось страстное желание побывать в этих городах.

Тверь встретила теплой осенней погодой. Город спокойно отдыхал после трудового лета, раскинувшись на обоих берегах Волги. Ажурными арками высились в осенней дымке мосты через Волгу. Тихо и горделиво несла свои воды великая река к другим городам и землям России.

Восемь веков назад основал этот город Юрий Долгорукий с целью выхода к Балтике по северным рекам. Старожилы говорят, что Тверь происходит от слова «Твердь», потому что левобережье – низина, затапливаемая в весеннее половодье, а в черте города находятся четыре реки, и правый берег, в районе старого города, – самое высокое и сухое место вблизи лежащих окрестностей.

Только окрепла и стала Тверь оплотом и опорой Северо-Запада русской земли, как полчища Батия опустошили и разорили этот край. Но тверчане не были рабами, свободолюбивый дух Севера выстоял против татарского нашествия. Тверчане не раз поднимали восстания против захватчиков, наиболее мощное выступление было против наместника Ор-

ды Чолхана. С 1246 года Тверь стала центром Тверского княжества и более двух столетий на равных соперничала с Москвой. В те времена шло бурное сопротивление города, сложилась самобытная школа тверской живописи, велось летоисчисление. Сюда прибывали послы и купцы из Византии, с Востока и Запада. Первым из европейцев побывал в Индии тверской купец Афанасий Никитин. Памятник ему сооружен на берегу Волги, против старого города.

После пожара 1763 года, уничтожившего старый город и кремль, повелела Екатерина II отстроить Тверь заново, по «регулярному плану», сделав новую застройку «образцовою».

Во второй половине XIX века железная дорога связала Тверь с Петербургом и Москвой. Дорога дала возможность бурно развиваться промышленности. С ростом пролетариата в городе создаются демократические кружки. В октябре 1905 года на Морозовской мануфактуре был создан Совет рабочих депутатов...

Город вынес все тяготы фашистского нашествия, почти наполовину был разрушен. Тверчане выстояли, и победили, и отстроили город заново.

На месте древнего городища сейчас находится парк, в котором растут вековые липы. У края парка расположен объемный «Путевой дворец», построенный по замыслу Екатерины II как место для отдыха. В этом дворце часто останавливался А. С. Пушкин. Горожане лет десять назад учредили

фонд для создания памятника А. С. Пушкину. Первоначальный памятник ему поставили около драмтеатра. Он был не очень удачным, и тогда жители города обратились к скульптору О. Комову. И появилось чудо на берегу Волги. Облокотившись на перила чугунной ограды, стоит А. С. Пушкин, немного уставший, задумчивый и очарованный.

Тверь прекрасна. В настоящее время это промышленный город и культурный центр края. Хотя и совсем рядом с Москвой, два часа на электричке, но он сохранил свою самобытность, широкую русскую натуру, северное трудолюбие, своеобразие, высокую народную культуру. Завязывая беседы с горожанами на улицах, в парках, спрашивал, как они относятся к возвращению городу его древнего имени. Все в один голос «за». «Мы уважительно относимся к нашему земляку, но любовь к родной земле и ее имени дороже всего – это история народа».

В час ночи с Ярославского вокзала поезд «Нижегородец» увозил меня из Москвы на восток к Горькому. С рассветом, где-то за час до подъезда к городу, справа и слева потянулся частокол труб с черным шлейфом дыма. Тяжелые дождевые тучи прижимали к земле эту мглу и смрад. Когда прибыл в город на вновь выстроенный Московский вокзал, заморосил дождь.

Недалеко от вокзала – огромный мост через Оку. Здесь – основа города. Дома в стиле XVII–XIX веков вперемежку с современными постройками... Вся эта смешанная ар-

хитектура создает своеобразную пестроту, напоминая, что в старину это был огромный, могучий купеческий город. Центральная улица города, почти на протяжении двух километров от памятника В. Чкалову на берегу Волги до памятника М. Горькому, закрыта для транспорта, отдана во власть пешеходов.

При впадении Оки в Волгу на правобережной круче расположен поражающий воображение красавец-кремль. Художественное своеобразие архитектурного облика кремля в гармоничном пластическом сочетании природного рельефа с суровой монументальностью и вместе с тем легкостью и изяществом башен и стен крепости. Крепостная стена с башнями тянется более двух километров. Нижний Новгород, по свидетельству летописи, был основан в 1221 году великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем. В период с 1508 по 1515 годы было завершено строительство каменного кремля – грандиозной, неприступной крепости. В систему кремля входит тридцать башен: пять квадратных, имевших ворота, и восемь круглых.

Башни высотой от 18 до 30 метров связаны мощными стенами с зубцами.

Прошлое кремля в его памятниках. В Архангельском соборе покоится прах Козьмы Минина – организатора народного ополчения, спасшего Москву от интервентов. Вблизи собора в 1828 году поставлен гранитный обелиск в честь Минина и Пожарского. Здесь находится и мемориал памя-

ти горьковчан, павших в боях за Советскую Родину. На территории кремля расположены областной и городской комитеты партии, областной и городской Советы народных депутатов и другие учреждения. И я все время задавался вопросом, нужно ли было строить эти административные здания на территории кремля?

Горький – это рабочий город. Горьковчане с любовью относятся к своему городу. Дорожат своей честью и достоинством. И здесь я задавал вопрос: «А как вы относитесь к возвращению городу его исконного имени?» Ответы были неоднозначны. Многие привыкли к этому названию. Надо учесть: М. Горький – писатель с мировым именем, уроженец города, жил и работал в этом городе, любил его. И многие гордятся именем города – Горький.

Волга у Горького широка, полноводна, неохватна, но нет той опрятности и чистоты, как у Калинина. Здесь она изрядно захламлена. Нам надо беречь не только то прекрасное, что создано предшествующими поколениями, но и самим внести вклад, а главное, не навредить миру, который нас окружает, иначе он не выстоит и рухнет, а вместе с ним и мы.

1988, сентябрь

Бородинское поле

Бородинское поле – поле Русской славы, поле мужества и героизма Российских воинов, поле стойкости русского духа.

Осматривая «Панораму Бородинской битвы», каждый раз побуждало желание побывать на месте сражения, всегда удивляло, почему экскурсовод быстро проходила то место панорамы, где навстречу вам неслись всадники в голубых мундирах. Только позже понял: я учился в академии, и рядом со мной всегда оказывались польские офицеры, это было время мощи Советского Союза, время, когда Варшавский договор год от года набирал силу.

Белорусский вокзал. Раннее утро 8 сентября 1987 года. Первые электрички. Около двух часов пути – и я на станции Бородино. Платформа. Вокзал. И прямо за вокзалом памятники, памятники, надгробные плиты павшим в бою воинам, которые прикрывали старую Смоленскую дорогу. Польский конный корпус Понятовского, в голубых мундирах, стремился обойти левый фланг нашей армии. Сеча шла несколько часов подряд.

Наполеон рано утром 7 сентября (новый стиль) начал боевые действия на этом направлении, нанося главный и решающий удар по левому флангу Российских войск, которым командовал Багратион Петр Иванович.

Левый фланг обороняли пехотные корпуса генералов Н.

Н. Раевского, М. М. Бороздина, дивизия Д. Н. Неверовского, дивизия М. С. Воронцова и казачьи полки А. А. Карпова.

В 6 часов утра на левый фланг двинулись корпуса под командованием знаменитых и опытных маршалов Даву, Мюрата, Нея, Жюне и обрушилась огнем почти вся артиллерия.

По дороге на Утицу – справа лес. Вдоль дороги справа и слева памятники, памятники... Памятники отваге и стойкости Российских воинов. На этом трехкилометровом участке шла многочасовая битва.

В десять часов Наполеон направил основной удар на Утицкий Курган, который прикрывал Багратионовы флеши. Перед превосходящими силами противника войска отступили к Багратионовым флешам у деревни Семеновка. 38 тысяч войск были брошены на Багратионовы флеши. Шесть часов шли жесточайшие бои за Багратионовы флеши, которые несколько раз переходили из рук в руки. Здесь дрались отважные полки: Измайловский, Литовский, Финляндский, воины которых все полегли на поле брани. Солдаты и офицеры корпуса Тучкова и дивизии Коновичина стояли насмерть.

В одной из контратак смертельно был ранен командир корпуса генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков (1-й).

Снова памятники, памятники, некоторые были поставлены в период с 1825 по 1840-е годы, но основная масса памятников была сооружена в 1910–1913 годах в честь 100-летия победы и битвы на Бородинском поле, а также обновлены и

восстановлены старые. Памятники сооружались на пожертвования солдат и офицеров полков, которые сохранили свои наименования.

Наполеон бросает в бой отборные части, атака за атакой: П. И. Багратион находится в гуще боя, порой сам бросается в атаку, увлекая бойцов. Около полудня, при очередном штурме противника, Багратион был тяжело ранен. Произошло замешательство в войсках. Командование принял Коновичын. Флешы были разрушены и завалены убитыми. Был отдан приказ отступить за Семеновский овраг. Деревня Семеновка была взята, и батарея Раевского оказалась под огнем противника.

Я ходил зигзагами от дороги на Утицкий Курган до Багратионовых флешей. Ноги гудели. Переписывал в тетрадь надписи с памятников. От деревни Семеновка по мосту через речку Каменку направился в сторону Шавардино по березовой аллее. За мостом снова памятники, надгробные плиты сражавшимся здесь дивизиям, полкам, батальонам, ротам, командирам, павшим на поле брани.

Шевардинский редут – ключ к Бородинскому полю. Бои за Шевардинский редут шли в течение дня 6 сентября до глубокой ночи. Шевардинский редут обороняло 8 тысяч пехоты, 4 тысячи конницы и 36 орудий против 30 тысяч пехоты, 10 тысяч конницы и 180 орудий.

Наполеон рассчитывал взять редут с ходу, но русские проявили величайшее мужество и героизм. После его захвата

двадцать первая гренадерская дивизия под личным руководством П. И. Багратиона выбила французов и удерживала его до ночи.

Активная оборона редута дала возможность основным силам подготовить оборонительные рубежи. Между редут и Багратионовыми флешами находится Спасо-Бородинский женский монастырь, внутри которого находится церковь Спаса Не-рукотворного.

Церковь была построена на месте гибели бригадного генерала Тучкова Алексея Алексеевича (четвертого) его женой, девятнадцатилетней Марией Тучковой. Всего один год они были женаты, и она сопровождала его всегда в его походной жизни, исполняя обязанности писаря штаба корпуса.

После боя, когда наши войска отошли, она вместе с монахом Колоцкого монастыря три дня и три ночи искала тело убитого мужа. Похоронив его, она осталась при монастыре и обратилась ко всем женщинам, чьи мужья погибли на Бородинском поле, посвятить оставшуюся жизнь светлой памяти павших. Из четырех братьев Тучковых, все генералы, трое погибли в боях, защищая Россию в Отечественной войне. Мать их от горя и слез ослепла. При монастыре была построена гостиница для паломников, в которой в 1867 году полгода прожил Лев Николаевич Толстой, работая над романом «Война и мир», позже приезжал несколько раз.

Возвращаясь обратно, поднимаюсь на Курганную высоту. Здесь по всему полю и подножью кургана, у батареи Раевско-

го, — несколько повозок с людьми, они очищают местность от хлама и мусора, который остался от вчерашнего дня — 7 сентября. Здесь, на Бородинском поле, отмечалось 175-летие Битвы. Прошли баталии. Был полный розыгрыш боя на Батарее Раевского. Участвовало с той и другой стороны до двух тысяч войск при вооружении, амуниции и обмундировании 1812 года.

На батарее Раевского в 1839 году воздвигнут 27-ми метровый монумент защитникам батареи и высоты Курганной.

Надо тут быть, видеть и чувствовать. Обзор с высоты во все стороны на десятки километров. Слева виднеются Багратионовы флеши, в разгар штыковых атак, когда угрожал прорыв противника, Кутузов отдал приказ атаковать левый фланг противника Кавалерийскому корпусу Уварова и казакам Платова, которые прорвали позиции противника и вышли в тыл Наполеоновским войскам, чем нарушили планы Наполеона и не дали возможности смять войска левого фланга. Во второй половине дня Наполеон нацелил основной удар в центр, намереваясь расчленить войска и разбить их по частям.

Самые кровопролитные бои проходили в схватках за батарею Раевского. Когда при очередном штурме батарея была взята, генерал Ермолов Алексей Петрович, начальник штаба армии, взял батальон Уфимского полка и выбил противника с батареи. Центр прикрывал корпус Дохтурова Дмитрия Сергеевича, который почти весь poleg на склонах Курганной

высоты.

На этой высоте, кроме памятников 1812 года, памятники защитникам ближних подступов к Москве осенью 1941 года. Командование укрепрайона приказало перед боем вынести из музея знамена полков, сражавшихся на Бородинском поле в 1812 году, и пронести перед строем бойцов, которые дали клятву драться так же, как их предки.

Солнце опускается за холмы, подхожу к музею 1812 года, музей закрыт. Сторож говорит, что сегодня музей не открывался, все сотрудники копают картошку, надо ее убрать, пока погожие дни, а то всю предыдущую неделю весь персонал принимал гостей, готовил и участвовал в торжествах.

За деревней, на картофельном поле, нашел заведующую музеем. Объяснил, кто я и откуда приехал. Она быстренько отрядила девочку лет двенадцати за ключами.

Девчушка Вера открыла музей и, как заправский экскурсовод, с увлечением рассказала о ходе битвы, называя полки, дивизии, корпуса – наши и противника.

Солнце катилось за горизонт. Лучи, пробиваясь через оконные рамы, играли бликами на ядрах, стволах пушек и знаменах. Попрощавшись с бюстом Михаила Илларионовича Кутузова у входа в музей, вспомнил его слова: «Я счастлив, предводительствуя русскими, а вы должны гордиться именем русских, ибо сие имя есть и будет знаменем победы».

Сил куда-либо идти уже не было. В сторону станции транспорта не было. Нашелся добрый человек из местных

деревенских, запросто, за теплое слово, подбросил меня до Можайска. Есть же на свете чуткие люди. В них остался дух Бородина, дух взаимопомощи и взаимовыручки.

1987, сентябрь

На Куликовом поле тишина

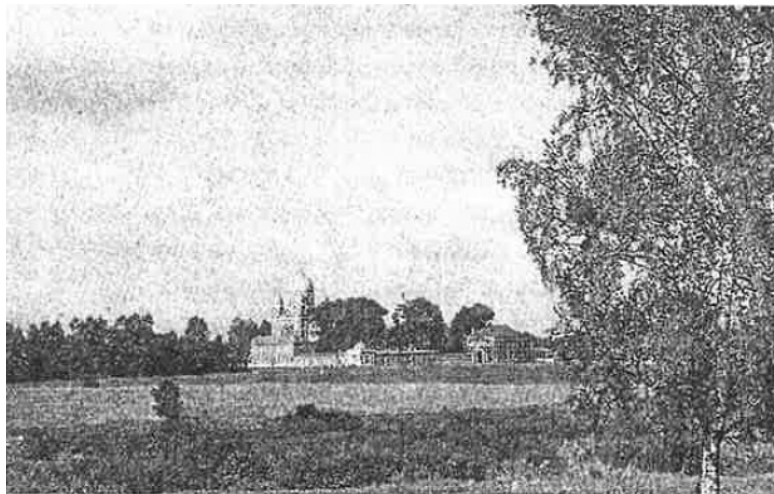
Посетить Куликово поле была моя давняя мечта. Постыдно россиянину не побывать у истоков, где отстаивалось существование Руси. Есть святы места, где в сражениях решалась судьба народа: Чудское озеро, Куликово поле, Бородинское поле и еще поле – от Бреста до Волги, от Печенги до Цемесской бухты. В годы Великой Отечественной войны на этом огромном поле 1418 дней и ночей шла битва советского народа за свою независимость.

Ранним утром на попутной машине выезжаю из Тулы. Вскоре машина останавливается. Перед глазами слева – Куликово поле, справа – монумент на Красном холме и собор Сергия Радонежского. На Куликовом поле – тишина, там, где была пролита кровь народа, колосится нива.

Эта тишина вызывает двойственное чувство: и радость, и печаль. Обидно, что редко приезжают сюда люди. Причин этому много: и слабая пропаганда, и недостатки нравственного воспитания, и ослабление исторической памяти, да и далековато это место от столбовых дорог. Но разве можно разделить память народа на вчерашнюю и сегодняшнюю; она вечна и непреходяща!

На самой высокой точке Куликова поля стоит памятник-монумент, поставленный в 1850 году по проекту архитектора А. Брюллова. К 500-летию Куликовской битвы пла-

нировалось создать огромный архитектурный комплекс, но царское правительство израсходовало деньги, собранные народом, и идея осталась нереализованной. У памятника – группа старшеклассников из Московской области, их возглавляет учитель истории. Они шли пешком от самой Коломны по пути движения войск Дмитрия Ивановича, князя Московского. Невдалеке от монумента – храм-памятник Сергию Радонежскому, построенный по проекту архитектора А. Щусева. Во время Великой Отечественной войны немцы разрушили его. После войны храм долго восстанавливался, сейчас в нем оборудован музей Куликовской битвы. Он чрезвычайно беден. По углам – четыре воина, в центре – четырехметровая фигура Дмитрия Донского. Стены храма голы и белы. А ведь можно было бы украсить их росписью по темам «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище».

Бородинское поле

Куликово поле

Более 600 лет тому назад на поле Куликовом произошла битва, которой суждено было стать поворотным моментом в борьбе русского народа за свою независимость. С обеих сторон в битве участвовало около 300 тысяч человек. Вот как описывает эту битву летопись:

«И сошлись грозно оба великих войска, крепко сражались, жестоко друг друга уничтожали, не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими ногами умирали, потому что нельзя было втесниться на том поле Куликовом... И был великий треск и шум от ломающихся копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горький час обозреть

это грозное побоище» («Сказание о Мамаевом побоище»).

Восемь дней русские воины хоронили погибших в братских могилах. При этом князь Дмитрий Донской повелел все оружие с поля собрать, так как предвидел грядущие сражения. Поэтому на месте боя при раскопках пока ничего не находят, кроме наконечников стрел и сломанных копий. Наиболее отличившихся в сражении привезли хоронить в Москву. Это герои битвы Александр Пересвет и Андрей Ослябля. К месту их захоронения (сейчас это территория завода «Динамо»), несмотря на множество решений на этот счет, закрыт доступ. Как будто мы живем в тридевятом царстве, а не в народном государстве, где высшая власть – воля народа...

Очень жаль, что к 600-летию Куликовской битвы мы, советские люди, не создали памятника павшим героям. А ведь дата была великая. Надо к 625-летию на месте побоища построить мемориал. Мне кажется, если выступить с инициативой, народ не пожалеет сбережений на светлую память о героях битвы. Десятки студенческих отрядов поедут трудиться безвозмездно. Уверен, что и архитекторы, и скульпторы, и художники сделают дар своему народу и потрудятся в память о своих далеких предках.

1983, сентябрь

Картофелины

Осень 1947 года. Госпиталь покидают последние тяжелораненые, он пополняется больными пленными: немцами, венграми с диагнозом туберкулез.

Госпиталь – это наша двухэтажная школа. Построенная перед войной. Мы учимся в старой, дореволюционной, у пруда. Нас в десятом классе девять человек. Двое сельских, остальные из близлежащих деревень, только я один из дальних. В ноябре решили переехать из частных квартир в общежитие. Причина одна – нет учебников, вместе лучше заниматься.

Во дворе общежития конюшня, в стойлах – три лошади. Они обслуживают госпиталь. На двух немцы возят дрова из леса, а третья таскает огромную бочку, установленную на санях. Воду возят из пруда. С немцами не общаемся, они – фашисты. Отношение к немецкому языку в школе презрительное: зачем знать язык захватчиков?

Прошли февральские выюги. Мои соученики покинули общежитие, стали бегать домой. В общежитии я один. Холодно. Топлю печь в своей комнате. Вечером перед сном, когда перегорают дрова в печи, бросаю в золу несколько картофелин. К утру они покрываются хрустящей корочкой. К рассвету общежитие выстывает. Хватаю книги, картофелины – и в школу.

В школе тепло, перед уроками можно позаниматься.

Долговязый, с тонкой шеей, бледным лицом и горбинкой на носу пожилой немец запрягает лошадь. Немец часто кашляет. Ночью был снег, дорогу перемело. Спрашиваю: «Фриц, подвези до школы». На что он отвечает: «Нихт Фриц, их Пауль, гут». Говорю: «Фашист». Немец побледнел еще больше: «Нет наци, их социалист». Я вытаскиваю картофелину, разламываю. Немец перестает запрягать. Смотрит на меня печальными серыми глазами и сглатывает слюну. Я вытаскиваю пару картофелин, протягиваю Паулю. Стоит как замороженный, берет, руки трясутся, в глазах слезы, низко кланяется – благодарит. Не очищая, откусывает картофелину небольшими кусочками. Спыхватился: вытаскивает из кармана корочку хлеба и сует мне.

Просит: «Возьмите, пожалуйста». Я отказываюсь, не беру. Пробуем говорить на смешанном русско-немецком языке. В классе грамматику учили дотошно, но запас слов невелик. Спрашивает, как звать. Отвечаю: «Шура». Долго молчит. Не поймет, что же такое Шура. Объясняю: Александр Чебыкин из деревни Чебыки. Пауль восклицает: «О, Александр! О, Александр!».

Пробует объяснить, что дома трое «киндер». Показывает на мои брови – такой старший сын Ганс по грудь – это дочь Марта и по колени – это маленький Питер. Они похожи на меня: тоже беленькие, но глаза как небо, голубые-голубые.

Каждое утро я выскакиваю из холодного помещения, вру-

чаю Паулю пару горячих картофелин. Он улыбается. Пауль старается изучать русский язык, а я зубрю немецкий. Разговор стал получаться понятный. Выясняется, что он из города Франкфурта-на-Майне. Был токарем на заводе, в 1944 году попал под тотальную мобилизацию, хотя у него слабые легкие – хронический бронхит.

Немцы свободно гуляют по селу, некоторые с удочками сидят на плотине, пробуют ловить рыбу. Вдовы-солдатки подходят к начальнику госпиталя, просят, чтобы немцы помогли то печь сложить, то крышу перекрыть. Отпускают. Среди немцев много из сельской местности, работу делают добросовестно, с умом. На Пасху Пауль дарит мне резную деревянную шкатулку, отшлифованную до блеска. На крышке ангел, а по бокам – серп и молот. Меня это сочетание удивило. Пауль объясняет: «Мы просим у Бога хлеба насущного, но для этого надо трудиться и в поле, и на заводе». На внутренней стороне крышки готическими буквами, но на русском языке: «Александр от Пауля. Апрель 1948 г.».

В мае за двором разрослись листья хрена. Я знал, что хрен очень полезен при легочных заболеваниях. Вечером Пауль был во дворе, чинил сбрую, чистил конюшню. Порядок у него был образцовый. Предложил Паулю хрен, после первой ложки у него перехватило дыхание, с кончика носа закапали капли пота, расширились зрачки. Когда Пауль отошел, я пояснил, что надо есть маленькими дозами. Хрен поможет излечить легкие.

В конце мая – я только пришел из школы – Пауль вбежал в мою комнату, обнял меня и закричал: «Александр! Вчера рентген – я здоров! Спасибо тебе. Это ты вылечил меня хреном. Я скоро домой к муттер и киндер».

25 мая 1948 года. Пауль рано утром зашел ко мне.

Положил на стол алюминиевую ложку с толстой ручкой: «Это тебе, Александр, на память, я ее сам точил на заводе. Сегодня в обед всех выздоровевших отправляют эшелоном домой, в Германию».

Я был расстроен, как будто лишался чего-то очень важного, близкого, родного. Пауль сказал: «Александр, я напишу, моего адреса нет, дом американцы разбомбили». Но письма я не получал. Сдавать госэкзамены нас отправили в Нытву, потом – военное училище.

Пауля, наверное, уже нет в живых, но здравствуют его дети, мои ровесники. Может, он рассказывал им о сверстнике на Урале.

Очаровательная Анна

Июнь 1948-го. Средняя школа за прудом. Нас в классе девять человек. Отправляют на экзамены в районный центр.

Утром пьем чай, заваренный лепестками шиповника, с черным хлебом, посыпанным крупной солью. В обед торопимся в заводскую столовую.

На первое – грибовница из волнушек, в которой кое-где плавают дольки картофеля. На второе – пшенная каша на воде, сверху посередине чайная ложка растительного масла. Запах масла радует душу.

На третье – настойка шиповника с квадратиком сахара прикуску. Усиленно занимаемся.

Изредка в класс заглядывает уборщица тетя Марта. Поработает, потом долго стоит, опершись на швабру, с опущенной головой и взглядом в никуда. Вечерами приходит убирать с дочкой лет восемнадцати. Обе всегда аккуратненькие, чистенькие, в передничках. Мне – семнадцать. Большеголовый, тонкошей, светло-русый, с завитками волос за ушами.

Вечерами ужин: чай и по три картофелины на брата, сваренные в чугушке. Директор школы Федор Владимирович где-то достал мешок картошки. После ужина полчаса отдыха.

За день сидения немеют ноги, заболевает спина, голова становится тяжелой. Выбегаю во двор. В закутке достаю го-

родки, биты, начинаю играть один. Подходят нитвенские десятиклассники. Тетя Марта с дочерью стоят в стороне, любуются, как мы суедемся. Как-то подошла дочка тети Марты, спросила:

– Можно я с вами поиграю?

– Буду рад.

Зардевшись, она протянула мне руку:

– Анна.

Я застенялся, несмело взял ее руку:

– Шура.

Она заулыбалась:

– Интересное имя. А как оно пишется в паспорте?

– Александр.

– Хорошо, значит, Саша.

Это было для меня ново: дома и в школе Шура да Шура.

Аня попросила:

– Подожди играть, переоденусь.

Минут через пятнадцать она вышла в коротких штанах, как потом узнал, назывались они шорты, в спортивных и голубенькой облегающей майке. Голубые глаза с крапинками, как весенние незабудки, смотрели на меня нежно и приветливо. Две косички, перевязанные голубой лентой, пшеничными метелками топорщились по сторонам. По щекам маленькими искорками разбросаны веснушки. Я очумело смотрел на нее и молчал.

– Я тебе нравлюсь?

– Угу.

– Ну что значит это «угу». Можно я буду звать тебя Сашенькой?

Разыгрались. У Анны получалось неплохо. Когда удачно разбивала фигуру, от радости высоко подпрыгивала, хлопала в ладоши, кричала:

– Попала, попала!

Наигравшись, мы садились на лавочку. Она рассказывала смешинки, крутила головой. Косички, от которых шел запах цветущей черемухи, щекотали мои плечи. Глаза ее в такие минуты лучились. Анна рассказывала, что они выселенные из Поволжья немцы. Там у них остался большой дом, сад. Отец, коммунист, был директором совхоза. Дед в гражданскую был комиссаром продотряда, мама – завбиблиотекой.

В первые же дни войны отец ушел добровольцем. В декабре 1941 года погиб под Москвой. Глаза у Анны повлажнели. Она прошептала:

– Каждый вечер мы с мамой плачем, не пойму, почему нас выселили. Я была активной пионеркой. Окончила семь классов, из-за переезда пришлось идти в ремесленное училище. Полгода работаю на заводе токарем, план выполняю, а вечерами помогаю маме, хотя она и не старенькая, но ей тяжело. Она очень тоскует по папе.

Я прикипел к Анне. Если вечером ее не было, то тосковал, игра не ладилась.

Неожиданно меня вызвала завуч школы Бэла Яковлевна:

– Чебыкин, должна поставить тебя в известность, что Анна и ее мать – репатриированные. Будь осторожен, не кончались бы твои встречи объяснением в особом отделе.

Я был взволнован и перепуган. «Каким врагом народа может быть Аня, эта девчушка, которая работает на заводе, а мать моет полы в школе?»

Она такая нежная, веселая – и вдруг враг. Чушь какая-то».

Я стал относиться к ней нежнее, заботливее, жалел за ее исковерканную судьбу. Расставаясь, Аня обычно чмокала меня в мочку уха и убегала. Как-то раз перед вечером началась гроза. Я вышел из класса в коридор, открыл окно и наблюдал, как к горизонту уходили черные тучи, в которых то и дело вспыхивали молнии. Кто-то сзади обхватил меня. Спрашиваю: «Катя? Лида?»

– А почему не Аня?

Два тугих мячика прижались к лопаткам. Ее губы у шеи. В затылке застучали молоточки. В глазах поволока, молнии сливаются в одну алую полосу. Я хватаю Анины руки, обхватывающие мою голову, но она вырывается и убегает. После экзаменов нас отпустили на три дня домой. Готовились к выпускному вечеру.

Мама сшила белую рубашку в голубую полосу, отутюжила костюм брата, который погиб в сентябре 1941 года.

Прибыл на выпускной гражданским парнем. Аня увидела, подбежала, радостно воскликнула:

– Сашенька, какой ты красивый!

– Пойдем со мной на выпускной, – предложил я.

Анна прижалась лбом к моей челке и заплакала:

– Не разрешит мне директриса, я же репатриированная.

Ты потом напиши мне, куда поступишь, как твои дела.

Пришли нытвенские ребята, потащили в столовую, где их мамы накрывали столы. Угостили большой кружкой пива. На банкете с первым тостом выпил еще кружку, и все это на пустой желудок.

Мне стало плохо. Выбрался во двор школы к колодцу.

Черпал воду и пил, пил. Тошнило. Внутри горело, как будто туда высыпали ковши горячих углей. Откуда-то появилась Аня:

– Сашенька, что с тобой?

Аня побежала в поселок, принесла бидончик молока.

Вскипятила, стала отпаивать.

На улице темнело. Когда стало чуть лучше, она завела к себе в комнату. Шептала: «Никуда я тебя больше не отпускаю...».

На Каме в июне заря с зарею сходятся. Рано утром Аня, прижавшись к моей спине, целовала мочку уха, тормошила:

– Сашенька, вставай! Ребята ищут тебя, через час поезд.

Вскочил, но тут же свалился на кушетку. Земля кружилась. Аня принесла ведро холодной воды, мокрым полотенцем обтерла грудь, лицо.

Налила в стакан нашатырных капель. Еле пришел в себя.

Зашел в класс, уложил в чемодан книги, вещи и вместе с Аней отправился на вокзал.

Поезд набирал скорость.

Через окно я видел Аню с ладонями, прижатыми к стеклу.

Прошлая жизнь отодвинулась куда-то далеко – надо было думать, что делать дальше, как жить.

Вскоре я поступил в военное училище в Перми. Писал Ане, но ответа не было. После Нового года узнал, что мать Ани получила отцовские награды и им разрешили вернуться в свой дом, на Волгу.

Еще долго передо мной стояли незабудковые глаза Ани, и в ушах звенел ее голосок: «Сашенька».

И с кем бы я потом ни знакомился, всегда сравнивал с ней – нежной, стройной белокурой синеглазкой.

Поэтому и женился поздно – все искал похожую на Аню.

День Победы

Пермь. Село Григорьевское. 1 Мая – день трудящихся. Митинг. Директор школы принимает от строителей новую двухэтажную деревянную школу. Учителя и ученики радуются – с 1 сентября будут учиться в нормальных условиях. Но страшный день 22 июня 1941 года. Война. В июле из школы вытаскивали парты – заносили койки. Классы разбросали по селу в непригодные помещения. Но мы учились! Осенью каждый класс закрепили за госпитальной палатой, кроме десятого, он выпускной. За нашим пятым классом палата № 7, где лежат безрукие и безногие. Мы приходили к ним по субботам после уроков. Что-нибудь несли: кто пирожки с капустой, кто шанежки, кто бидончик молока. За дверями слышен стон, но, когда мы входили, раненые крепились. Мальчишек посылают за горячей водой. Девчонки: Зоя Мякотцких, Тоня Старцева, Катя Варанкина, Лида Кашина, Лида Шавшукова, Валя Галкина, Августа Ракшина, Лида Гофман, Нина Беспалова – протирают окна, кровати, моют полы, поливают цветы. В палате восемь человек. Палата командирская. Каждая из девчонок помогает какому-нибудь раненому. У многих погибли отцы, и они присаживаются к изголовью пожилых раненых. Безруким расчесывают волосы, пишут письма. У молодых командиров оказываются девчонки, которые повзрослее нас. Некоторые тяжелораненые

умирают. За селом у пруда вырастают холмики с деревянными столбиками, с красной звездой из жести на верхушке и поперечной дощечкой, где написаны краской фамилия, имя и дата смерти. Многих разбирают родственники, жены. Среди безруких и безногих были раненые, которые добиваются у высшего начальства отправки на фронт. Няня жалуется, что нельзя их оставить ни на минуту. Если ее долго нет, в палате начинается стук костылей и стульев. Раненые беспокоятся: а вдруг захочется по-большому или по-малому, а подать прибор некому, тогда под себя – это стыд. Некоторые раненые лежат по году и более. А двое: обгоревший танкист без ступней и кистей и сапер с оторванными ногами и наполовину оторванными пальцами на руках, лежат третий год. Ходячие раненые из других палат выносят их на свежий воздух. Танкист учится ходить на костылях, а саперу смастерили коляску. Оба заикаются. Шутят над собой. Руководству госпиталя домашние адреса не говорят. Старшая медсестра, красавица Аня, старательно ухаживает за русоголовым, курчавым танкистом с темно-синими глазами. Уговаривает переехать жить к ней. Они с матерью вдвоем, мужа убило в первый месяц войны. Танкист не соглашается. Объясняет, что не хочет быть обузой, жалость ему не нужна. Приезжала делегация из соседнего колхоза за крутолобым усатым сапером, приглашала в колхоз председателем. Сапер отнекивался, просил подождать. Сапер научился обрубками пальцев писать, умело работал ножом, выстругивал всякие поделки

из дощечек и поленьев. Девчата наши подрастали и к весне 45-го стали настоящими девицами, а мы наивны, росли какие-то захудалые, мелкие. Только Игорь Анисимов, наш баянист, выглядел повзрослее. У него начали пробиваться усы. Молодые офицеры стали ухаживать за девчатами, мы не ревновали, мы радовались, что в них пробуждается жизнь. Обычно после уборки в палате начинался маленький импровизированный концерт. Чубатый безногий мичман вытаскивал из-под кровати аккордеон и, прижавшись к спинке кровати, начинал играть. К концу войны в каждой палате было по несколько немецких аккордеонов. Девчата приглашали на танец друг друга. Из нас танцевать умел только Толя Старцев. Темноволосая Валя Галкина приходила в белой кофточке и черной юбочке, с малиновым бантом в волосах, подсаживалась к аккордеонисту. Он любил ее безмерно. Валя это знала. К праздникам 7 ноября, 23 февраля и 1 Мая мы готовили для раненых концерты. На этот раз к 23 февраля – Дню Красной Армии и Военно-морского флота – у нас была расширенная программа: и танцы, и соло, и хор. После выступления хора мы неумело отплясывали «Яблочко», пугая колена. Аккомпанировал, как всегда, Игорь. В середине танца, с первого ряда поднялся моряк на костылях без ноги. Он ловко взобрался на сцену. Крикнул Игорю: «А ну, поддай огонька!» – и пошел выделять коленца, размахивая костылями, крутясь на одной ноге. Женский медперсонал плакал, каждая думала: «Отгулял моряк». Отплясывал он с остер-

венением, стараясь выплеснуть всю боль души через танец. Костыли полетели в сторону, он пробовал сделать какие-то па, хлопая руками по ноге. Не удержав равновесия, качнулся вперед и упал на свежeweымытый пол. Мы оцепенели. Он ловко отполз к краю сцены, уселся, свесив ногу, выдохнул. «Все». Подбежали сотрудники, подхватили под руки и усадили в кресло.

9 мая 1945 года. Председатель Сельского совета – маленький, горбатенький, всеобщий любимец, честнейший человек – бежит к школе, машет руками и глухо кричит: «Победа! Победа! Победа!». Учителя и ученики выбежали во двор. Обнимаются, плачут. Все сбежались на площадь к репродуктору. Слушают голос Левитана.

Мы, школяры, рады – по домам. Надо срочно сообщить радостную весть в деревне. Из села домой вела тропинка по длинному-длинному лугу мимо госпиталя. По луговине звонко журчал ручеек. Зеленела молодая трава, усыпанная яркими цветами одуванчика и лютика. Вспыхивали лазоревые пятна незабудок у ручья. В душе песня: «Победа, Победа, Победа...» Все, кто мог двигаться, выбрались на лужайку у оврага перед госпиталем. Многие с аккордеонами. Неходячие устроились в проемах раскрытых окон. И по оврагу лилась музыка аккордеонов. И этот звук догонял и перегонял меня, и остался в сердце на всю жизнь, как память о Дне Победы.

1999, декабрь

Горькое слово «победа»

Деревушка Звонари раскинулась по косоугору вдоль ручья. Починок невелик – семь домов. Кругом на десятки километров хвойные леса, со сколками осинника и березняка, да прогалинами гарей. Первым на косоугоре поселился Мелентий Пестерев. Наверное, деды занимались прибыльным промыслом – плетением пестерей из лыка. Пестер за спиной удобен и легок. Хлеб в нем не мнется и не крошится, и продукты хранятся долго.

Иван ушел из Строгановских солеварен. От едучей соли ноги стали пухнуть, подошвы полопались, уши обвисли, дыхание стало барахлить, нос не дышал. Забрал молодую жену, голубоглазую, краснощекую, поджарую Марфу, двух малых сыновей. На ярмарке купил лошадь с телегой, молодую корову, плуг и необходимое для ведения хозяйства и подался в лесные дебри. Пока не набрел на этот веселый косоугор, заросший черемухой и липняком. Посредине холма изпод старой липы пробивался родничок. Струя била вверх на аршин и неслась вниз по каменистому руслу, образуя через каждые две-три сажени водопады. Ручей стекал по восточному склону. Над родником Иван срубил сруб, из плах соорудил покатую крышу. Зимой сруб заметало снегом до верха, но подход к источнику был свободен. Ручей был до того боек, что в тридцатиградусный мороз не замерзал. Что-

бы освоить землю под пашню, Иван не стал пускать пал, пожелел лес. Вверх косогора отвоевала лиственница. Очистил склон черемушника, где суглинок был перемешан с лиственным перегноем. Посеял, рожь выросла плотной. Колосок к колосу. На вырубках лиственницы, которая шла на стройку, первые два года сеял репу. Кругом глухомань на десятки километров.

Рождались дети. В летние вечера Иван садился на лавочку у родника, управившись со скотиной подсаживалась Марфуша и заводила песню: «Летят утки...». Иван негромко подпевал... Дети подрастали, подсаживались на лавочку и пели с родителями. С годами голоса у них получались зычные, сочные, звонкие.

Вырастали сыновья, надо было искать невест. Дочери были на выданье. Пришлось выходить на люди. Стали появляться на ярмарках и в церкви, как на смотрины. До ярмарки и прихода три десятка километров. В хозяйстве было все свое: и кузница, и мельница на ручье, и станок ткацкий. Марфа умела ткать пестрядь и вышивать узоры. Лучшая рукодельница в округе.

Сыновья переженились и расселились по угору. Вечерами на спевки собирались взрослые и дети. Когда узнали об отмене крепостного права, Иван был уже глубоким стариком. Иван полгода с сыновьями прорубал ежальную дорогу в соседнюю деревню за десять верст. Стали гоститься.

На Троицу в деревушку приезжали до сотни подвод с го-

стями, чтоб послушать деревенских песенников. Сыновья, дочери, внуки, правнуки вырастали голосистыми. Так и прозвали деревню «Звонари».

Жизнь шла своим чередом. Двое внуков ходили освобождать братушек. Один погиб, другой вернулся без ноги, вместо нее липовая деревяшка. Ходил и подпрыгивал, так и прозвали его «Василин Петух».

В Германскую четыре правнука ушли бить немца и сгинули. Двое погибли где-то в Польше, а двое – в Гражданскую. За кого воевали: за белых или за красных – никто не знал.

Кто-то из приезжих затащил в деревню тиф. Полдеревни вымерло. Какие там лекарства – никто в деревнях ими не пользовался. Баня и травы – вот спасение от болезней.

В период Новой экономической политики деревня переживала бум строительства. Многие мужики из глухомани стали перебираться к железной дороге. Когда началась коллективизация, молодежь подалась на заработки в город.

В Звонарях как было сто лет назад семь домов, так и осталось. Старики не хотели уезжать с обжитого места. Кругом раздолье... Из соседних деревень с флягами приезжали, чтобы набрать хрустальную чудотворную воду из родника. По обычаю младший сын должен был оставаться с родителями и досматривать за ними.

Побывали звонарские мужики и на Халхин-Голе, двое там сложили головы. В финскую брали одного Филиппа, но в боях не побывал, а ноги успел поморозить и летом ходил в ва-

ленках.

В начале лета 41-го в воздухе висела какая-то тревога, даже деревенские петухи перестали по утрам трезвонить, если какой-нибудь прокричит, то тут же смолкнет. Неведомый гнет давил на души людей.

Война нагрянула неожиданно. В первый день сенокоса в деревне, вниз по реке, долго и надсадно били в рельс. Послали узнать, не пожар ли? Тима Катеринин прибежал и передал: «Война, фашист напал». Мужики собрали котомки и подались в сельсовет. На другой день вернулись.

Предупредили, чтобы были дома и ждали вызова из военкомата. Повестки приходили каждую неделю. Отправляли в армию по обычаю, как рекрутов. Запрягали лошадь. Призывник с детьми или невестой объезжал родню в соседних деревнях. Прощался на вершине косогора со своей деревней и селянами.

Матушка брала горсть земли, зашивала в ладанку и вешала на грудь. Прощались... Долго махали руками, пока был виден. Не принято было провожать до сборного пункта – это одно страданье себе и родным. Попрощался на взгорке и ушагал. Из семи дворов на фронт ушло девять мужиков. Осиротела деревня. Загоревали бабы. Подходила осень. Стога сена на зиму не сметаны, дрова в лесу не нарублены, а если кто заготовил, то не вывезены. Осень пришла рано.

С уборкой хлебов затянули. Овсы ушли под снег. Коням корма на зиму нет. Только успели до осенних дождей выко-

пать картошку, до морозов вырубить капусту. Бабы и подростки по-прежнему вечерами собирались под липой у родника.

Катерина, разбитная баба, высокая, плотная, с васильковыми глазами, вздернутым носом и пухлыми щеками запевала: «Летят утки, а за ними два гуся, ох! Кого люблю, ох, да не дождуся...»

Вздых «Ох» получался широкий, глубокий и тоскливый, даже листья на липе переставали шелестеть.

После двух-трех песен расходились по домам.

Катерина успокаивала: «Сегодня хватит, завтра рано вставать, работы невпроворот». На лавочке оставался дед Ермолай, горевал. Два сына на фронте. Старшему Степану за сорок, жил отдельно на станции – отрезанный ломоть. Младшего Петра только поженил. Невестка после отправки мужа, пожила пару недель и ушла к своим родителям, в соседнюю деревню.

Старуха приболела, да и сам был немолод. Женился поздно, когда стукнуло сорок. Деду Ермолаю шел девятый десяток. Гладкое лицо без морщинок. Светло-серые глаза излучали тепло. На голове ни волоска, зато бороду, похожую на обтрепанный веник, затыкал за пояс, «чтобы не мешала». После ноябрьских праздников пришли две похоронки, обе на сыновей Ермолая.

Дед совсем осел, осунулся, сгорбился. Феклинья Еремиха каждое утро выходила на росстань, ждала сыновей. Стояла

там долго, пока кто-нибудь из соседей не забирал домой. К весне ее не стало. Старик остался один. Катерина исполняла обязанности бригадира, поручила бабам помоложе навещать деда вечерами, помогать управляться по хозяйству.

Сначала дело шло путем, потом молодухи стали задерживаться у Ермолая. Видели, как Нюрка Гришиха уходила от Ермалаея утром.

Екатерина догадывалась, почему задерживаются солдаты, но молчала. На другой день Ермолаева гостя бойко работала, шутила, подначивала других. Эту тайну бабы хранили друг от друга. На спевке у родника Катерина сказала: «Вот, что бабоньки, вы как хотите, а меня в это пакостное дело не втягивайте, я к Ермолаю более не ходок, распределите вечера сами».

Бабы промолчали. Не могла Катерина их осудить: молодые, во цвете женской красоты, остались одиноки с малыми детьми. Одна оставалась им радость – погреться у дедовой бороды.

Перед Новым годом пришло четыре похоронки, где указывалось: «Ваш муж пал смертью храбрых в боях за Сталинград». Бабы собирались у липы в кружок, хватали друг друга за плечи и выли по-звериному. Звук страшной печали летел вниз по реке до соседних деревень, и там тоже стоял плач.

Бабы сникли, скукожились. С печали души сжались.

К деду Ермолаю ходить перестали, только бабка Феклинья, почти его ровесница, навещала его.

Лето 43 года изгадало сухим, жарким. Изредка налетали бури. Грозы были короткими и жесткими. В течение часа из черного неба вырывались стрелы молнии, и вихри огня били в вершину косогора. Раскатистый гром содрагал холм. Дети прятались под лавку, бабы молились у образов. Потоки воды неслись вниз сплошной стеной, сметая на своем пути изгороди, размывая гряды. Ручей внизу превращался в дикую необузданную реку, смывая бани, стога сена. Тучи проносились над горой и в огне молнии уходили дальше. Выглядывало солнце. Бабы и дети с ужасом смотрели на побоище. К концу августа наступило затишье. Катерина из города привезла огромный радиоприемник, который работал от керосиновой лампы. Вечерами солдатики собирались у приемника и слушали новости с фронта.

О ходе Курской битвы знали все подробности. Дети подрастали.

Молодая поросль девчат собиралась под липой у родника. Сначала для затравки исполняли несколько частушек. Наиболее смелая Настя, Егора Терентьевича дочь, выходила на круг, срывала с головы платок, две толстые пшеничные косы разлетались по плечам. Выпалив две-три частушки, приглашала: «Девчата в круг». Наплясавшись до усталости, садились на лавочку и запевали новые песни: «Кто его знает, чего он моргает», «Три танкиста три веселых друга...» и, конечно, «Катюшу». Парни жались к срубу. Старшему Тиме, сыну Катерины, в июне исполнилось пятнадцать годиков. Был тощ,

длинноног, ключицы вылезали из-под рубахи, нос облупился на солнце, густые брови курчавились. Пробовал выскакать на круг, хорохорился, но коленца не получались. Тима краснел и отскакивал в сторону. Подошла Катерина, обратилась к молодежи: «Ну, что молодо-зелено, гулять велено. Я рада, что за два года войны подросли. Немцев гоним за Днепр. Пора и вам помогать Красной армии. Тима, завтра на жнейку, а девушкам вязать снопы». Тима с весны помогал деревенским: косил, греб, таскал копны. Начал пахать зябь, но силы держать плуг не было – сильно отощал.

Катерина заметила, что молодухи на покосе тискают Тиму, тот вырывался и убегал. Последнее время его постоянно опекают две молодые вдовушки. У одной шестилетняя дочь, а у другой после получения похоронки был выкидыш первенца.

В сентябре пришло два извещения: одно о павшем смертью храбрых Филиппе, сыне Никифора Кузьмича, другое – о пропавшем без вести Гришке, сыне Степана Ермолаева, который вернулся позже, в июне, из Освенцима, был в плену, терял память, долго лечился в госпитале. От Ивана Катерине письма не приходили с начала июля. Катерина притихла, похудела. На работе не покрикивала. Целыми днями молчала. Бабы приставали: «Катерина, выругай нас – легче будет».

Катерина стала примечать – Тима вечерами стал исчезать. Спрашивала: «Куда, Тимоша, направился?» – «Да к девушкам, мама, на вечеринку». Катерина знала, что молодежь со-

бирается в большой избе у Марко. Пелагея, жена Марко, вдовела с осени 41-го, та самая, у которой был выкидыш. Она была рада молодежи. На людях легче переносить горе. За-тухали огоньки в окнах деревни, гас и у Пелагеи, но Тима возвращался с большим опозданием, тихонько прошмыгивал на полати. Катерина каждый раз хотела спросить, почему возвращается позже остальных, но, покрутившись в кровати, засыпала. Днем спросить было недосуг.

Катерина наблюдала, что Тима частенько забегает и к Евдокии, иногда катает ее дочурку Дашу на санках. У соседки Пелагеи стал пучиться живот. Екатерина подумала: «Не болеет ли Пелагея, может жмыхом объедается и от этого дерьма ее пучит?» Пришла весна 1944-го. Подсыхали дорожки на косогоре.

Катерина шла с бельем, которое полоскала в колоде, внизу по ручью. Услышала крики у родника. Увидела, две бабы махались ведрами, затем схватились за волосы и стали таскать друг друга. Екатерина удивилась: за три года войны ни дети, ни бабы никогда не ссорились друг с другом – общее горе сближало и объединяло их, а тут потасовка. Подошла ближе и узнала дерущихся Евдокию и Пелагею. Пелагея кричала: «Не отдам тебе Тимофея, дите от него скоро родится». Катерина схватила из корзины отжатые Тимины штаны и давай хлестать по головам обезумевших баб, приговаривая: «Что ж вы его делите: ребенок он еще, несмышлениш, какой из него мужик, загубите вы его, сожжете парня в молодости, кому он

потом нужен будет, об этом подумали». Пелагея и Евдокия отпустили друг друга.

Застыдились. Похватали ведра и разошлись. Екатерина пришла домой обессиленная. Думала: «Я без мужика три года, чуть постарше их, но выстояла. Коротка, видно, их любовь, а если вдруг кто из мужиков вернется, как бесстыжие глаза смотреть тогда будут. Что скажут им. Слава богу, вытерпела я, выревела. Господи, скажи, почему одна женщина может быть сильной, а другая слабой. С утра до ночи на колхозном поле, своя работа по дому. Адский труд на току, в лесу, за плугом. Через силу, но делаем, а естественным управлять не можем. Господи, прости меня, не виноваты они, ты их создал такими, чтобы продолжать род человеческий через страсть, стремлением к противоположному полу». Долго стояла Катерина, прислонившись к дверному косяку. Тима из окна видел потасовку и от позора спрятался за печку... Катерина спросила: «Ну что, поганец, нашкодил. Я догадывалась, но не думала, что так далеко зайдет. Ты как кобель плешиный бегал до обеих. Запомни, – это пакость и распутство. Отец твой выбирал меня одну единственную, и я выбирала его не на день, а на век. Жив или мертв, но ждать буду, пока не состарюсь. И ты будь таким. Собирайся, завтра пойдешь в район. Есть повестка отправить одного парня в ремесленное училище.

Завтра чтобы духу твоего не было. Пореву да успокоюсь. Лучше разлука, чем позор. Стыд за тебя на всю округу. Ну,

хоть бы к одной бегал, а то сопля такая, от горшка два вершка и туда же. Отец твой в 23 года, после армии, женился. Нецелован был. После свадьбы чмокались как телята. Смех один. Будь проклята эта война. Тысячам людей судьбы сломала. Человек человека убивает, разве для этого творил нас Создатель, чтобы мы зверели, становились скотиной бездушной».

Рано утром, до восхода солнца, Тима ушел в район. После окончания училища работал на металлургическом заводе. Приезжал домой. В зимние школьные каникулы забирал в город Дашу и сынишку Никиту.

Весна 1945 года. Война приближалась к концу. Дед Ермолай быстро старился. Бороденка повылезла, остался короткий реденький клочок. Деревенские женщины от невыносимого труда и горя сносились, которые помоложе, крепились, но от солнца и мороза лица задубели, покрылись морщинами. Девчата подрастали, становились невестами. Выскакивали замуж в соседние деревни, в село, на станцию. Парни не хотели оставаться в глухой далекой деревне. Окончив курсы трактористов, комбайнеров, шоферов, оставались на центральной усадьбе колхоза. Старушки и солдатки по-прежнему вечерами собирались под липой, у родника, и пели старинные протяжные песни, только звуки песен глохли в глухомани леса. Маленькие деревушки вокруг Звонарей вымирали, некому было слушать певучее многоголосье жителей Звонарей.

Шел май 1945 года. Ярко, густо, широко зацветала черемуха. Ее кипень захлестывала косогор и белой лентой тянулась к горизонту вниз по реке. Семеро старух-матерей и семеро солдаток ждали конца войны и надеялись, а вдруг там ошиблись и ее сынок или суженый живой. Может где-то в госпитале без памяти контуженный или без рук и письма написать не может. По утрам деревенские цепочкой поднимались на вершину косогора и долго глядели вдаль, не идет ли их родненький. Наплакавшись, расходились по домам, хозяйство не бросишь, надо трудиться, хоть не вмоготу, но надо.

Катерина по вечерам долго слушала приемник, а утром передавала новости: «Дорогие мои подруженьки, отлились наши слезы супостату. Столицу их фашистскую, Берлин, наши штурмуют. Гитлера обязательно поймают осудят и по странам в клетке возить будут, и показывать народу нелюдя».

В ночь на 9 мая Катерина поймала какую-то волну, где говорили на незнакомом языке, но прорывались русские слова «Победа! Победа!».

Рано утром побежала по домам, стуча в окошки сообщала: «Родные мои, войне конец!».

В избе у Катерины приткнуться негде, старые и малые, прижавшись друг к другу, стоят и слушают радио. В десять утра знакомый голос диктора объявил: «Внимание! Внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза. Сегодня ночью гитлеровская Германия капитулировала, фашизм

неизвержен». Дальше слов никто не слушал. Одновременно зашумели: «Наконец-то... Наши победили... Гитлеру конец... Сынки наши вернутся...».

Женщины знали, что возвращаться некому, но были рады, что сыны и внучата не пойдут на войну, будут целы, посмотрят их. Поднимут разрушенное войной хозяйство.

Кто-то крикнул: «Война кончилась, что стоим! Мужики домой вернутся». Повыскакивали из избы и, обгоняя друг друга, выбежали на косогор. Встали в кружок – кругом ни души. Постояли, постояли, обнялись и завyli: «Да где вы наши родненькие, да не видать вас нам более, отлетали наши соколы, да сложили вы свои головушки в чужом краю».

Находясь в трансе, продолжали причитать.

Кто-то из малышей позвал: «Смотрите, кто-то идет». Действительно от дальнего леса, минуя дорогу, по тропинке, двигался человек. Люди занемели, оцепенели. Путник приближался, отмахивая костылем в левой руке – загалдели разом: «Да это Катеринин Иван» и бросились к нему. Тискали, обнимали. В этих объятиях воплотилась боль и радость военных лет. Катерина шептала: «Пропустите меня к моему суженому, родненькому». Деревенские расступились, Катерина упала перед Иваном на колени, обхватила ноги, прижалась и говорила, говорила: «Родненький мой, ненаглядный мой, заждались мы тебя с детьми. Каждое утро молилась за тебя, и в поле, и перед сном. Ни на минуту ты не выходил из моего сердца. Чиста и светла перед тобой, Иванушка. Дом

ждет тебя. Матушка дома, прихворала, а батюшка на лесозаготовках. Передавал, что скоро отпустят». Девчата и парни стояли в стороне. Иван спросил: «А где тут мои?».

Когда уходил на войну, старшему было тринадцать, остальные четверо родились перед войной год за годом.

– Сын где?

– На заводе, ремесленное окончил.

– А Ташошка, старшая, неужели забыла отца? Пять годов было, когда уходил.

Катерина охнула: «Господи! Дети, это ваш папочка!» Малышня бросилась к отцу. Танюшка охватила отца за шею. Она каждый день рассказывала младшим братьям и сестрам, какой у них папочка сильный и здоровый и как он бьет немцев. Дети жались к груди, к поясу, а самая младшая охватила колени отца. Нога у Ивана подкосилась, и он по костылю сполз на землю. Солдатки подхватили Ивана и понесли к дому. Иван вырывался, просил: «Бабоньки, отпустите меня, тихонько сам дойду». Они в ответ: «Иван, в радость это нам, как будто к своим прикасаемся. Знаем, что не видать нам их более».

Поравнялись с липой.

Иван попросил: «Давайте сядем и песней помянем наших деревенских, не вернувшихся с войны, которые никогда не споют с нами. Пусть души их побудут на нашей заветной лавочке».

Катерина завела: «Кто-то с горочки спустился, наверно

милый мой идет...».

Перепели любимые песни и закончили печалью России:
«Летят утки, а за ними два гуся, ох, кого люблю, кого люблю.
Ох, не дожуся...»

Кузнец Егор

«Егор от Егоровых», – шутили мужики. Деревенька Егоровы – в пять домов. Егор – мужик среднего роста, жилистый, конопатый, проваливаясь деревянной ногой, которую потерял на Германской, в раскисшую дорогу, опираясь на железную пудовую трость, шел на работу в кузницу вдоль ручья, выбегавшего из его огорода. Единственная нога за тридцать лет работы кузнецом стала подводить – часто подкашивается. Егор не особо на это обращал внимание. Надо было спешить в кузницу и до зари разогреть горн. Посевная – люди ждут. К полудню успевал управиться, но после обеда снова подтаскивали поломанные лемеха, разорванные цепи, вплоть до лопнувших коленвалов. Помощники редко выдерживали более недели этот адский труд: весь день махать большим молотом. Егор был мастер на все руки: и окна стеклил, и рамы делал, и на серпах насечку, даже напильники умудрялся изготавливать. Привозили детали и целые узлы из МТС, чтобы Егор проковал или сковал заново. Бабы в военное лихолетье тащили лопнувшие топоры, лопаты, косы. Денег не брал, если совали, то обижался. Делал все за спасибо и ласковое слово. Только за новые рамы брал половинную цену. Бабы любили наблюдать, как работает Егор. Белая рубаха надувалась на спине парусом, волосы взлетали вверх с каждым ударом и рассыпались за ушами, искры летели из-

под молота. Белый кусок железа постепенно краснел, приобретая очертанья, которые хотел он. В минуты отдыха бабы жались к нему. Егор жалел их, молодых и красивых, полных сил вдовушек и дарил им свою доброту и ласку на лежаке в пристройке, где у него было выскоблено и вымыто. Бабоньки потом неделю носились на крыльях, радуясь новому серпу или наваренному топору, а также тем минутам наслаждения, страсти и забвения. Пока дети были малы, жене было тягостно управляться по дому и в колхозе, но дочери подросли, и стало полегче. Жена понимала, как нужно Егорово ремесло всем.

Егор радовался и душой, и телом своей работе. Старался хоть чем-то помочь людям в тяжкие годы войны. Утром и вечером слышались его песни над речкой; все знали, что это идет Егор на работу или с работы. Дорожку, протоптанную по лугу, так и называли «Егоровой тропой».

Кончилась война. Егор торжествовал: вот придут мужики с фронта, и он кого-нибудь научит своему мастерству, а сам станет столярничать. Руки еще держали молот, но единственная нога стала отказывать. В июле вернулся из армии племянник Тимофей в чине младшего лейтенанта с двумя огромными трофейными чемоданами, наполненными отрезами и костюмами, как будто и не воевал. Краснощекий, гладкий, ни ранения, ни контузии. Рассказывал, что служил офицером связи при штабе корпуса. Определили Тимофея к Егору в помощники, но помощник из него получился ни-

кудышний. Стал попивать и бегать по солдаткам, иногда по два-три дня не появлялся. Егор жаловаться не хотел, все-таки племянник, но страшно стал расстраиваться, что некому передать свое дело. Песни над рекой уже никто не слышал. Егор возвращался поздно и подолгу лежал на деревянной кровати, уставившись взглядом в какой-нибудь сучок на потолке. Жена вся испереживалась. Горевала вместе с ним.

Осенью снег выпал рано, и уже в ноябре стояли жуткие морозы. От кузни до Сахаров была торная тропинка, по ней бегали дети в школу, а от Сахаров до дома ее замело. В этот раз домой возвращался расстроенный – древесный уголь был неудачный, плохо давал жар, ковка не шла. На спуске нога подвертывалась, раза два падал. Тропинка пересекала старую колесную дорогу. Деревянная нога провалилась в промоину, а живая не успела отреагировать и хрустнула в бедре. Егор упал на бок, пробовал встать, не смог. Пополз. Шагов за двести до дома попал в незамерзший ручей. Намок. Выполз. Одежда быстро заледенела. Из последних сил полз к дому. Жена несколько раз выбегала на крыльцо, приглядывалась, но была темень. Егор подполз к калитке в огороде, до сеней оставалось с десятков шагов, но открыть калитку не было сил, и крикнуть не мог.

Пес услышал шорох, выбежал из-под клетки, заскулил, через редкие штакетники стал лизать нос, щеки, пробовал ухватить за плечо куртки, но мерзлая одежда выскальзывала. Глаза Егора все видели. На лай Дружка выбежала жена,

побежала в деревню за подмогой, затащили на печь, оттаивали и раздевали. Утро выдалось погожее, солнечное. Через проталины в окне пробивались солнечные зайчики.

Последний взгляд уловил яркое пятно на том сучке в потолке, который он любил рассматривать с детства, похожем на парящую птицу.

1999, ноябрь

Почтальон Степан

Деревня Дрозды большая – тридцать домов, но мужики жили бедно, земли было мало. В Гражданскую – все за красных, Степан на Германскую не попал – один сын у одинокой матери, Но в Гражданскую прослышал про Чапаева, пробрался к нему. Быстро научился владеть саблей, конем он управлял не хуже настоящего казака. Где-то под Уфой при атаке лавой близко разорвался снаряд. Его ударило справа мерзлыми комьями земли и мелкими осколками и вышибло из седла. Сгоряча он соскочил, схватил за узду мчавшуюся мимо лошадь без седока. Сабля болталась на ремешке в плохо слушавшейся руке. Перехватил саблю в левую руку, схватился в сече с налетевшим на него казаком, но удары левой не получались, он больше защищался, прикрывая голову правой рукой. Он скорее увидел, чем почувствовал, как правая рука отлетела в сторону. Он упал на облучок. Конь вынес его из боя. Кто-то перетянул обрубок руки ремнем, кровь перестала хлестать. В лазарете рука зажила быстро, но правый глаз вытек, из костей черепа долго вытаскивали осколки. Комиссовали подчистую. Куда без руки? Домой... Но дома надо ходить за плугом, держать в руках косу. Решил искать свою часть. Под Перекопом нашел бывшего командира эскадрона, который командовал полком. Взял к себе в ординарцы.

Левой рукой научился делать все: себя обслуживать, писать, орудовать топором, но головные боли не давали покоя по ночам. Видя, как мучается Степан, командир предложил перейти в ездовые на кухню. Согласился. Главное – при друзьях и лошади. Раскочегарив полевую кухню, он прижимался головой к горячему котлу, и боль проходила.

В 1926 году командир поехал на курсы усовершенствования в Москву. Часть вернулась из Средней Азии, где гонялись за басмачами, на постоянное место дислокации. Степана демобилизовали. Вернулся к матери. На службе скопил немного денег. Купили лошадь и корову. Подрубил старый дом, перекрыл крышу. Женился. Жена попалась работящая, добрая, ласковая, любящая. Степана оберегала, особенно в те дни, когда его мучили головные боли. Степан платил взаимностью. Жили справно и ладно.

В годы коллективизации – всей деревней в колхоз. Степана определили в почтальоны. Степан с рассветом садился верхом на лошадь, перекидывал огромную кожаную сумку через плечо и ехал на почту в село Григорьевское. За день объезжал все десять деревень – по периметру около тридцати километров. К вечеру подъезжал к правлению, рассказывал председателю все новости, где и как идет работа, какие всходы, как идет уборка. Посыльный отводил лошадь на конный двор, Степан – домой, и так каждый день. Грянула война. Сначала шли победные фанфары, хотя немец был уже под Смоленском. Молодежь из деревень добровольцами от-

правлялась в военкомат в Нытву. Пришел сентябрь. Немец рвался к Москве. Степан еле успевал развозить повестки из военкомата. К октябрьским праздникам деревни оголились, оставались одни бабы, подростки и старики. В конце ноября стали приходить похоронки. Степан совсем растерялся: как их вручать. Степан старался заехать в каждый двор, передать какую-нибудь весточку. Подъезжая, стучал кнутовищем по окну и кричал: «Наши немцу под Москвой жару дают!». Если было письмо, то заходил в дом, читали вслух, потом содержание письма пересказывал другим. О плохом умалчивал (оно и так тошно – кругом горе), а хорошее передавал из деревни в деревню. Самое страшное – это вручение похоронки. Степан заходил в дом, рассказывал новости, расспрашивал о житье-бытье, а рука, державшая похоронку в сумке, наливалась чугуном. При взгляде на малышню у Степана из единственного глаза падали слезинки одна за другой. Только с пятого-шестого раза бабы говорили: «Не мучь ты нас, знаем, что беда, догадываемся, уже все слезы выплакали, давай похоронку, надо идти в сельсовет, чтобы налоги сняли и пособие на детей дали». Степана в плохом никто не мог упрекнуть. В непогоду доводилось и переночевать у вдовушек, но все знали, что Степан верен своей Марии. «Святая пара», – говорили люди. Подросла дочь, окончила техникум. Вышла замуж. Осталась в городе. На лете привозила внука. Кончилась война. Все ждали возвращения воинов. Но похоронки шли.

«Ваш муж погиб смертью храбрых в 1944 году в партизанском отряде». «Ваш сын погиб при штурме Берлина». «Ваш отец пал смертью храбрых при освобождении Праги». «Ваш... смертью храбрых в борьбе с японскими милитаристами». Степан горе вбирал в себя. Стал задумчив, малоразговорчив. А тут своя беда: через год после войны скоропостижно скончалась жена. Степан затосковал. Сердце его не выдержало всего людского и своего горя, 9 мая 1946 года вечером Серко привез Степана к правлению неживого.

1999, ноябрь

Кокшаровские старики

Деревенька всего двенадцать домов. До войны все колхозники. Три брата Фоминых – старики-погодки – основная рабочая сила в деревне. От дедов веяло упорством и силой.

Дед Филипп

Старший из братьев, крупный, кряжистый, краснобородый, со стальным взглядом, обихоженный, всегда в голубой рубаше, дед Филипп конюшил. Кокшаровские кони считались лучшими в колхозе. Упитанны, выхолены. В конюшнях всегда свежая подстилка. Двор подметен. Сбруя исправна. Подогнана к каждой лошади. На конном дворе, в доме и в огороде – порядок и благоуханье. Его все побаивались, как взрослые, так и подростки. Не дай бог, если он увидит натертость от хомута или чересседельника. Молчаливый дед упрется глазами и что-то забормочет. Иногда и взрывался, крыл почему зря, но в бога и мать – никогда. Стоит виновник ни жив, ни мертв. Но дед быстро отходит: помогает распрячь лошадь, раны смазывает мазью, исправляет огрехи сбруи. Если зимой охота поиграть в прятки на сеновале, пацаны посылают меня упрашивать деда Филю. Я с опаской спрашивал разрешения. Дед говорил: «А, это ты, Шура – Татьянин сын, играйте, но только по клеверу не топчитесь, шишку отобьете, и чтобы после себя порядок оставили».

Строгость его была справедлива – ради дела. Позже его племянница Федосья рассказывала, что дедушка Филипп был очень ласковый ко всей родне и всегда старался чем-нибудь помочь их семье, когда они, мал-мала меньше, остались сиротами (отец Калина погиб в 1942 году под Сталинградом, а матушка скончалась на лесозаготовках).

Дед Никифор – младший из братьев. Седоват, светло-карие глаза всегда задумчивы, борода клинышком, сутулится. Любит поговорить. Любое дело в его руках ладится. В народе о нем говорят: «Маленько умеет». Ни одна свадьба в округе не обходится без него. Если видит, дело тянет на ссору, подходит, кладет руки на спорщиков, посмотрит то на одного, то на другого. Мужики тут же лобызаются. Ссоры как будто и не было. Если дорогу завалят для выкупа, тогда Никифор соскакивает с возка, зычно зовет: «Эй, охальники, ну-ка быстро разберем эту завалушку и пиво изопьем». Прятавшиеся парни и мужики выходят и с прибаутками разбирают завал. Он подносит пенистое пиво, шутит. Мужики кричат: «Дорогу молодым, хорошей свадьбы и долгой жизни». Чуть прихворнули дети, мама посылает за Никифором. Дед был легок на подъем. Через полчаса был в нашем доме. Осматривал дитя, если было не по его части, то говорил: «Молодушка, тут я ничем помочь не могу, неси ребенка в больницу». Или гладил по головке, наливал в кружку теплой воды, шептал, крестил, набирал в рот воды и слегка брызгал

на лицо, голову. Дите после его процедур иногда спало сутки. Никифор знал тысячи наговоров и нашептываний, но если кто-то приходил к нему с недобрым, тогда он еще в дверях посетителю советовал: «С нехорошим пришла, это не ко мне». Как говорили в деревне: «Никифор делает только доброе». Деда уважали, ценили, берегли все: от мала до велика. Славный был старик Никифор.

Онисим

Третий из братьев, Онисим, был самый шустрый, верткий. Ни минуты не мог стоять свободно. Руки его все время требовали работы. Моложавое лицо, сероглазый, бородка коротко подстрижена. Зимой в аккуратных ладных валенках, всегда в красной рубаше, расстегнутом полушубке, шапке, сдвинутой на затылок. Летом любил ходить босиком. В разговоре сыпал шутками и поговорками. Трудяга. В свои 60 лет успел повоевать на русско-японской и германской войнах. Жена его жаловалась: «Как живет, не знаю, все тело изранено, шрам на шраме». Воевал Онисим отчаянно. Кресты, медали в железной баночке из-под чая хранились на божничке. Онисим разрешал нам, подросткам, посмотреть, но сам никогда не одевал: ни в праздники, ни в будни. Смеялся: «А, железки, жив остался – это главное, и на этом спасибо». Он располагал к себе, мы зачастую крутились около него, слушая его побасенки. Приезжая в нашу деревню, он издалека махал картузом и кричал: «Шура, здравствуй, мать

опять голову сметаной намазала?» Убел-белые волосы, как шапка снега, мотались на голове. Я отвечал: «Здравствуйте, дедушка Онисим!». А самому было стыдно, почему не я, а он здоровается первый. Бегал в первый и второй классы за семь километров на станцию Григорьевскую. В шесть утра, закутанный до глаз, выходил из дома. За ночь дорогу заметало, приходилось следить тропинку. В войну расплодились волки. Стаями гонялись за зайцами, лисами и собаками. Было страшно. Каждая веточка вдоль дороги казалась волком. Вopil, что есть силы, думая, что волки испугаются. Кокшаровских ребят в школу возил дед Онисим. Набьет полную кошеву, сам на облучке, катит, напевая. Если увидит меня, стоит, ждет. Кричит: «Шура, поторопись, ждем». Если догонял, то подсаживал на запятки кошевки.

За его бескорыстие, внимание и ласку я любил этого старика и радовался, когда его видел. В последнюю зиму войны Онисим поехал в город с продажей. В колхозе зерно на трудодни давали только в посевную и уборочную. В остальное время сельчане ездили за хлебом в город, меняя литры молока на пайки хлеба. Онисим наменял полную котомку. Бидоны в руки, котомку за спину – и в вагон, но на этот раз пробиться не мог, застрял на краю тамбура. Дачный поезд ходил раз в сутки. Ночью уходил и ночью приходил. Пилял от Перми до Григорьевской три часа. Зимой темнеет рано. Проехали остановки три. Онксим почувствовал, что котомка перестала его тянуть назад. Ухватился за лямки, потянул

— котомки нет, лямки перерезаны. Деда опалило жаром: дома старухи и малые внуки сидят без хлеба. Никто никуда не уходил, в тамбуре стояли плотно. Развернулся, стал требовать у парней, которые стояли за спиной, вернуть котомку. Дед увидел, что его мешок передают вглубь тамбура. Онисим изловчился, стал коленками бить меж ног и выхватывать мешок. Парни гоготали и хватали его за рукава солдатской фуфайки. Стянули с него фуфайку и стали подталкивать Онисима к краю площадки. Дед понял, что это беда. Схватил одного за пояс, нагнулся и через себя выбросил из вагона в сугроб. На него навалились всей ватагой. Схватил второго, но, не успев приподнять, почувствовал страшную боль под лопаткой. Заточка прошла насквозь и вышла ниже соска. Онисим вместе с убийцей вывалился из вагона под насыпь. Утром обходчик увидел яркое красное пятно на склоне железнодорожного полотна. Спустился. Ощупал окоченевшее тело и увидел на алой рубаше со стороны спины и груди ледышки бурой крови. Хоронили Онисима в его алой рубаше, подарке невесты к свадьбе. Собрались млад и стар проводить Онисима в последний путь. Цепочка провожающих вытянулась до соседней деревни.

1999, декабрь

Вороний глаз

В глухих еловых лесах Прикамья растет цветок Вороний глаз. Говорят, цветет белой звездочкой, но цвет редко кто видел. Но одинокий ярко-черный плод на ярко-зеленом чашелистике виден издалека. В народе прозвали эту ягоду «Вороний глаз». В деревне было поверье, что это чертов глаз. Знахарки использовали его как приворотное зелье. Скот его обходил. Лошади и коровы фыркали и пятились, только козы обнюхивали, а затем отскакивали, как ужаленные. Взрослые предупреждали детей, чтобы к цветку-ягоде не подходили и в руки не брали – это дурман ядовитый.

Иван, сорокалетний мужик, длинноногий, большеголовый, с кудрями русых волос, в розовой косоворотке, прощался на росстани с односельчанами, вытирая слезинки рукавом рубахи. Рядом с ним с вещевым мешком через плечо стоял двухметровый парень с челкой белесых волос, тоскливо улыбающийся, крестник Степан. Степан тормозил Ивана: «Крестный, пойдем, мужики из соседней деревни ждут, с подводы машут».

Шло лето 1942 года. Немцы рвались к Сталинграду. Ивана как тракториста в первый год войны не брали, а тут повестка, он сообщил в город крестнику, который после окончания техникума работал мастером на оборонном Мотовилихинском заводе. На последнем курсе техникума женился;

в жены взял фельшерицу из соседней деревни, ладную, статную, голубоглазую красавицу Надю Ложкину. У них росли две девчушки-погодки: Люба и Вера. Когда Степан узнал, что крестному пришла повестка, он побежал в заводоуправление, но там сказали, что на него бронь. Два дня бегал то в военкомат, то в заводоуправление, пока не добился, чтобы сняли бронь.

Два сына Ивана в прошлом году были взяты в ФЗО, учились при шахте в городе Кызеле. Две деревушки, Поварешки и Ложки, разделяла речонка Дубровка. В Поварешках – все Поварешкины, а в Ложках – все Ложкины.

За долгую жизнь жители деревень перероднились: переженились, перекумовались. Все братаны, тетки, крестные, крестники, кумовья, сватовья. Но деревни находились в разных районах, граница – речка Дубровка. На игрищах, на свадьбах, на проводах все вместе. Как сойдутся деревенские парни, так и незлобно дразнятся: «Эй, вы Поварешки-мутовки... эй, вы Ложки-квашенки», и в таком духе. Жена Ивану попалась сварливая, ленивая, почти двадцать лет промучилась. Вроде женился по любви, в девках была ласковая, приветливая. Через месяц после свадьбы пошли недомолвки.

С утра Ивану команды: «Сходи за водой, напои скотину, дров в избу принеси, помои вынеси». Сама в кровати вылевается, жалится, что плохо спала ночью. Дальше – больше. Иван с работы – ему команда: «Капусту полей, в баню воду наноси». Сидит на лавке пухнет, широкая стала, в двери бо-

ком еле проходит. Ивана понукает, ребят гоняет. Иван, упрямившись по дому, стал уходить к крестнику. Степана растили дед с бабкой. Родители уехали на стройки пятилетки, там и остались. Иван управлялся с хозяйством у себя и помогал Степану. У деда с бабой был покой и ласка.

Уходя на фронт, Иван не шибко горевал. Сыновья устроены, баба еще не старая, крепкая, здоровая – пусть попробует поуправляться с хозяйством сама. Девочек Степана Иван любил, как своих родных. Они не выговаривали «крестный» и звали его «Красный Иван». Надя относилась к Ивану, как к отцу. Родного отца не помнит, погиб где-то под Спасском Дальним.

Иван попал в артиллерию ездовым. Главное его дело было беречь лошадей. Иван относился к своим обязанностям ревностно. Его лошадки, как у других, не голодали, он всегда находил где-нибудь корм. От Степана-крестника получил всего одно письмецо из Сталинграда, где он просил, в случае гибели, помочь растить детей, едва ли Надя найдет себе другого мужа, да и из кого искать, коли тут, в Сталинграде, защищая город, гибнет столько молодежи.

Перед новым годом Иван получил письмо от Нади, где она сообщила горестную весть, что в Сталинграде погиб Степан, но она все равно будет его ждать до конца войны, а вдруг ошибка, может, лежит где-нибудь раненый в госпитале. Иван вернулся домой в июле 1945 года в звании старшины с тремя медалями: «За штурм Кенигсберга», «За Отвагу», «За Бое-

вые заслуги». Жена встретила неласково. Дома были сыновья, ушли из шахты, устроились в МТС слесарями, один за другим поженились. Невестки не ладили, в доме стоял содом, хозяйством толком никто не занимался. Иван часто помогал Надежде по хозяйству. Через год старшая Люба пошла в школу. В апреле, в водополь из школы домой шла в валенках по раскисшему снегу. Простудилась. Заболела. Три дня с высокой температурой металась в бреду. Надя определила воспаление легких, надо везти в районную больницу, но дороги растаяли: ни пройти, ни проехать. Иван укутал Любу в полушубок и понес в район за 15 километров. Две недели от не отходил от ее постели, пока не выздоровела. Обратно возвратились перед маем. Солнце палило, дороги просохли, на полях таял снег, и ярко зеленели озимые. Надя выбежала встречать. От радости плакала навзрыд. Обнимала Ивана, упала на колени, целовала ноги. Благодарила за спасение дочери.

Деревенские бабы стали подзуживать жену Ивана: «Смотри, потеряешь мужика, уйдет к другой. Сейчас на две деревни пять мужиков. Тебе одной повезло: у тебя сразу трое в доме». Жена Ивана в тот же день побежала к бабке Макарихе. Все знали, что она умеет и присушивать, и отсушивать. Бабка Макариха охала и вздыхала, когда жена Ивана рассказывала обо всем. «Знаю, знаю, слыхала, давно тебя поджидаю, – судачила Макариха. – Вот дам тебе ягодки «Вороньего глаза», ты настой из них сделай и подливай Ивану в еду, питье

и приговаривай: «Как ты ягоды одна-одинешенька возрастаешь, так Иван пусть будет один...».

Иванова жена завозмущалась: «Это ведь отрава – умрет». Макариха в ответ: «Не умрет сразу, чахнуть будет потихонечку, да и зачем тебе такой мужик, ни тебе, ни людям». Ивана стало часто рвать, кружилась голова, ноги подкашивались, на двор ходил с кровью, через месяц совсем слег. Надежда переживала, посылала дочерей узнать, в чем дело. Иван объяснял: «Это у меня фронтовые болячки выходят, в мороз и дождь спал на земле вместе с лошадьми, испростыл весь». Надежде передали, что Ивану совсем плохо.

Надежда запрягла лошадь, набросала в телегу свежего сена, поехала за Иваном. Дома никого не было. Все были на работе, кроме внуков и одной из невесток. Надя с дочерьми перетащила обессилившего Ивана в телегу, привезла домой, осмотрела. Прибежали соседи, посоветовали немедленно везти в город. Три дня обследовали Ивана в городской больнице. Сделали рентген желудка и кишечника. Сказали, что все изъедено язвами. В крови обнаружили яд, похожий на дурман. Поставили диагноз – не жалец. Надя везла домой Ивана и все дорогу плакала. Привезла домой. Затопила баню, обмыла. Стала отпаивать парным молоком. Через неделю у Ивана на щеках появился румянец. Надя через день топила баню и парила его березовым веником в легком пару. Поила настоем трав на меду. Неделю поила мочегонным, другую потогонным. Через месяц Иван ходил на двор сам.

Жена Ивана ни разу не пришла, только с Макарихой распускали разные сплетни по деревням. К новому году Иван оклемался, стал что-то мастерить по дому: шкафы, табуретки. На масленицу ходил в березняк, нарубил держакон к лопатам, вилам, притащил несколько вязанок веток для метелок. На базаре метлы дали хорошую выручку. Из весеннего ивняка плел корзины, которые шли нарасхват.

На троицу Надежда заявила Ивану: «Не отпущу тебя никуда, опять там над тобою будут издеваться и изведут тебя. Не отдам тебя никому. Для девчат ты стал за отца. У сыновей твоих свои семьи. Мешать будешь им».

Иван ответил: «Дай подумать денек-другой». Два дня сидел на завалинке, к работе не притрагивался, думал. Действительно, там я лишний, здесь больше нужен, девчат надо на ноги ставить. Я должен выполнить завещание крестника.

На третий день за завтраком Иван сказал: «Надежда, ты права, я тут нужнее, но только какой из меня жених, мне скоро пятьдесят». На что Надежда ответила: «И я немолодая, после гибели Степана прошло десять лет, нам уже не дожидаться его, а ближе и роднее тебя никого нет».

Девчата бросились обнимать Ивана: «С нами, с нами, крестный».

Через год семья прибавилась – родился сын, потом второй. Иван сидел у раскрытого окна, радовался весеннему солнцу и думал: «Да, верно, жизнь бесконечна и вечна».

1999, декабрь

Учитель

*Светлой памяти Гребнева Афанасия Павловича
и учителей Григорьевской школы*

Колчаковцы, после взятия Перми, устремились вдоль железной дороги в сторону Вятки и на Кудымкар, с дальнейшим выходом на Котлас. Наступление то захлебывалось, то снова возобновлялось. Мешала осенняя распутица. В середине октября заморозило, а в начале ноября выпал снег.

Роте под командованием Ощепкова Степана была поставлена задача задержать противника на подступах к селу Лузино. Оборону заняли впереди села, которое растянулось по пойме реки. С колокольни церкви просматривалось небольшое пространство впереди. Справа долина реки, заросшая лесом, слева увалы, покрытые ельником. Позиция для обороны оказалась невыгодная. Стали окапываться, но противник неожиданно ворвался на правый фланг роты, из ложбинки. Командир роты приказал отступать от села за речку, на крутяк. Перебежками таща на себе ящики с патронами и пулеметы, рота рассыпалась по кособогу. Заняли оборону. Беляки задержались в селе, бегая от дома к дому, выискивая красноармейцев. Это дало возможность роте окопаться. Лопат не хватало, рыли штыками. Земля успела промерзнуть на ладонь. Красноармеец Кокшаров Ярослав, молоденький,

подвижный, круглолицый, невысокого роста паренек, на коленях кромсал мерзлую землю тесаком, с которым пришел в отряд добровольцем. Замерзшие комья земли отталкивал вперед и по бокам. Руки тряслись, глаза слезились, всего знобило. Ярослав почувствовал немоготу еще утром. Вчера из роты отправили несколько человек, заболевших тифом. Кое-как отрыв себе лежбище, улегся, стал устраивать винтовку между мерзлыми глызьями и тут же забылся. В полусне слышал, как пули щелкали по брустверу окопчика. Командир роты кричал: «Без команды огня не открывать, беречь патроны!».

Атаки следовали одна за другой. Целиться было плохо. Разламывало голову. Жар пронизывал все тело. Ярослав стал ловчиться, и в этот момент пуля ударила в цевье винтовки, задела запястье, пробила предплечье и звякнула о котелок в вещевом мешке. У Ярослава потемнело в глазах, и он сунулся носом в мерзлую землю. Сосед видел, как сник Ярослав, но оказать помощь не мог – противник вел интенсивный огонь. С темнотой бой утих. Командир роты дал команду отступать на верхние Постанови. Рота поредела. Шестеро убитых, десятка два раненых. Ярослава еле отодрали от земли: ноги в ботинках с обмотками примерзли. Убитых уложили в овражке, кое-как забросали землей, а сверху накидали лапник и сучья. Раненых дотащили до соседней деревни Заполье. В деревне оказался старичок с оказией из его села. В Ярославе узнал сына своего друга Павла, с которым ходил на

Японскую.

Ярослава перебинтовали, уложили на розвальни, и дед повез его домой. Дорога дальняя. Ярослав всю дорогу метался в жару. На третий день приехали домой, но дом оказался заколочен – семья вымерла от тифа. Дед решил везти Ярослава к себе. Проезжая мимо школы, в которой дед работал сторожем, решил забежать – узнать, как там дела. На стук вышла молодая бледнолицая учительница со светлорусой косой ниже пояса, серыми печальными глазами. Увидев Ярослава, запротестовала: «Куда, Вы, дедушка, его повезете, кто будет за ним ухаживать? Пока Вы ездили, Вашей Матрены не стало». Дед обмяк и сел рядом с санными в снег. Вдвоем они затащили Ярослава в светелку, раздели, нагрели воды, обмыли. Нижнее белье сожгли в печи, а верхнюю одежду выбросили на мороз. Раны на руке были неглубокие и начинали заживать, но ноги распухли и посинели.

Парасковья закончила курсы медсестер при педучилище в Кудымкаре. Лечила ноги настоями и мазями по бабушкиным рецептам и сбивала отварами жар. На третий день Ярослав пришел в себя. Пальцы руки шевелились. Раны подтянулись. Щекотало – значит заживало, но ноги ломило – боль не давала спать. Две недели отлежал Ярослав, две недели Парасковья не отходила от него. Только на рождество Ярослав пошел посмотреть свой дом. Подворье было растащено. Постройки соседи разобрали на дрова.

Зима была холодная. Все переболели тифом. Сил в лес

ездить ни у кого не было. Дом сиротливо стоял на косогоре. У Парасковьи родных тоже не было. Ярослав был благодарен судьбе, что она свела его с такой милой, прекрасной, нежной, обходительной девушкой. По весне Ярослав вступил в Коммунистический союз молодежи. Немного оклемавшись, записался в отряд по борьбе с бандитизмом. Парасковья упростила Ярослава, чтобы он шел учиться. Перед войной он с похвальной грамотой окончил четвертый класс. За все зимы он освоил программу семи классов. Поступил в педучилище города Кудымкара, которое успешно закончил. Стал вместе с женой учить детей в школе.

Пошли дети: первая дочь, вторая дочь, третья дочь и только четвертым родился сын, а после него, неожиданно-негаданно еще дочурка Марина. Дети подрастали. Было трудно, но Парасковья настаивала, чтобы Ярослав учился дальше. Говорила: «Я как-нибудь с детьми управлюсь». Поступил на заочное отделение естественного факультета Пермского пединститута. Зачитывался до полуночи журналами и книгами по естествознанию. Детям на уроках рассказывал о новых открытиях в науке, об американских, шведских, немецких ученых.

В конце ноября 1937 года среди ночи постучали и объявили, что срочно вызывают в сельсовет. Ярослав наскоро собрался думая: «Что могло случиться?». У калитки ждали два милиционера, за углом стояла крытая машина. Ярослав ничего не мог понять, куда его собираются везти. Грубо за-

толкнули в машину и повезли. Перед рассветом привезли в Кудымкар. Ярослав узнал двор Кудымкарской тюрьмы, куда в 1919 году конвоировал бандитских головорезов, промышлявших по деревням. Завели в камеру. Лязгнул засов. Разум Ярослава не мог ответить: «За что его сюда упрятали?». В камере было холодно, обмороженные ноги дали о себе знать – заломило кости. В полдень его привели в большую комнату с решетками на окнах. За столом сидел парень лет двадцати с утиным носом, красными глазами навывкате, мокрыми волосами, зачесанными набок. Уставившись на Ярослава, прогнусавил: «Ну, гражданин Кокшаров, расскажите, каким образом Вы установили связь с иностранным шпионом Менделем?». Ярослав молчал и думал: «Какую чушь несет этот молодец, похоже не шутит, может, издевался». Следователь взвизгнул: «Что, не понятен вопрос? Забыли, как расхваливали американского империалиста Дарвина? Вот тут в заявлении написано, что Вы немецкий шпион». Ярослав хотел сказать, что ты, неуч, несешь, но подумал, что без толку – этого дурака словом не проймешь.

Ярослава то отводили в камеру, то приводили снова на допрос. К концу недели заставили подписать протокол, где было написано, что он, Кокшаров Ярослав, сотрудничал с немецкой и английской разведкой. Ярослав вскипел, не помня себя, схватил табуретку, но она оказалась прибитой к полу. На столе он увидел массивную стеклянную чернильницу, уцепился в нее и врезал по голове следователя. Чернила по-

лились по лицу, закапали с носа, правый глаз стал затекать, и из рассеченной раны выступила кровь.

Следователь схватился за голову и заорал: «Убивают!». Забежали конвоиры, скрутили Ярослава и запихнули в камеру. На третий день состоялся суд. Не было ни судьи, ни прокурора, ни адвоката. Толстый угрюмый чиновник в присутствии двух тщедушных мужиков зачитал приговор: «За содействие немецкой и английской разведке и нанесение телесных повреждений работнику прокуратуры – десять лет тюремного заключения».

Потребовал последнее слово. Дали. Ярослав торопливо рассказал об участии в боях с белогвардейцами, о службе в особом отряде по борьбе с бандитизмом и о том, что написанное в обвинении – сплошной вымысел. Какие данные он может передать иностранцам? Сколько навоза во дворе или лягушек в болоте? А что касается иностранных имен, то это ученые с мировым именем, о них в учебниках написано. Председатель тройки внимательно слушал, видимо, имел образование в пределах сельской школы и понимал жизнь, похоже, прошел фронтовую школу. Попросил отвести в камеру. Через десять дней снова привели в ту же комнату. Та же тройка. В двери заглянул следователь, Ярослав увидел, что шрам на лбу зарубцевался. В новом обвинении ни слова о шпионстве, только о нанесении телесных повреждений работнику прокуратуры. Приговор – три года лагерных работ. Снова попросил последнее слово: «Я рад, что Вы оказались

настоящими созидателями новой власти, но если бы следовательно немного разобрался в обвинении и расспросил людей, то убедился бы, что вся эта писанина – сплошная ложь. Написана она была кем-то из бандитов, которых я выловил в 1919 году. Не было бы и телесных повреждений».

Председатель улыбнулся и миролюбиво проговорил: «Что было в моей власти, я сделал, а горячиться не надо было, сейчас был бы на свободе». Ярослав ответил: «Нет, гражданин начальник, сидел бы я десять лет».

Ярослава отправили на лесоповал. Начальником колонны оказался командир роты, в которой был Ярослав в боях за Лузино. Начальник колонны проходил вдоль строя, увидел знакомое лицо. Остановился. Спросил:

– Участвовал ли в ликвидации Пермского прорыва Колчака?

Ответил:

– Я Вас помню. Вы товарищ Ощепков Степан.

Ощепков с усмешкой спросил:

– Случайно не тебя отрывали примерзшего к земле?

Афанасий обрадовано:

– Меня, меня, ноги тогда обморозил, до сих пор болят!

Ощепков велел вечером Ярослава привести к нему в кабинет.

В теплом кабинете после стакана чая Ярослав разомлел, глаза слипались, сил отвечать не было, Ощепков отдал распоряжение перевести в лазарет санитаром... Только через

полгода жена узнала, где находится Ярослав, и то по почерку в письме. Пятеро детей на руках, старшие дочери помогали по дому. Жили в отремонтированном доме родителей Ярослава. Парасковья хлопотала об Ярославе, ездила в Кудымкар, в Пермь. Писала в Москву Калинин. В 1939 году пришло долгожданное письмо: «Дело Кокшарова пересмотреть». Дело попало к тому же председателю. Он сильно постарел за эти два года. Натужно кашлял, объяснил: «Это еще остатки Гражданской; ты обморозил ноги, а я застудил легкие». В одном из членов суда Ярослав узнал сокурсника по пединституту, с которым на соседних койках в общежитии спали во время сессии. Он все время улыбался, пробовал раза два подмигнуть Ярославу. Решение суда: «Освободить из-под стражи в зале суда». За воротами тюрьмы ждала вся семья. Ярослав снова пошел в школу учителем. Сад, посаженный около школы и дома, плодоносил. Пасека без него увеличилась. Корова с подтелком выхаживали по двору. Ярослав занялся опытами с фруктовыми деревьями. Старшие дочери одна за другой поступали в пединститут в Перми. Ярославу предложили директорствовать в средней школе, он согласился.

Коллектив в школе был хороший. Большинство выпускников поступали в техникумы и вузы...

Но вот 1941 год, июнь. Выпускной вечер. Выпуски были замечательными: из 29 учеников X класса – восемь отличников, двенадцать хорошистов. Это была радость для всех:

учителей, родителей, учеников. Гуляли до восхода солнца по берегу Камы.

На другой день в обед жена дергала спящего Ярослава за руку и шептала: «Проснись же, пожалуйста! Война! Немцы бомбят Минск, Киев, Ригу!». Ярослав, полураздетый, побежал сначала в школу, там толпились выпускники. Спрашивали: «Ярослав Павлович, что нам делать?». Ярослав с горечью отвечал: «Защищать родину и бить фашистов, как били их ваши сверстники в Испании». Зашел в районный Совет. Члены Совета были в полном составе. Растерянно шептались. Спрашивали его: «Что делать?». Ярослав отвечал: «Надо быть готовыми к отпору врага и длительной войне. Блицкрига не будет».

Сын Владимир осенью поступил в госуниверситет на геологоразведочный факультет. Ярослав каждую неделю писал заявления с просьбой отправить на фронт, мотивируя, что у него есть боевой опыт гражданской войны.

После Нового года Ярослава направили в Бершетские лагеря на командные курсы. Через три месяца учебы – выпуск, присвоили звание младшего лейтенанта – и на фронт.

В дивизии, занимавшей оборону на окраине Воронежа по реке Ворона, назначил его командиром минометной батареи. Командира батареи два дня назад убило. Молоденькие солдаты неумело перетаскивали минометы, меняя боевую позицию при артобстреле. Немцы каждое утро в десять часов начинали артподготовку, затем атака. Минометы били по скоп-

лениям пехоты. Немцы открывали артиллерийский огонь на подавление и вызывали авиацию. Через неделю в батарее осталось полтора десятка солдат и один миномет. При последнем артобстреле осколок пробил левую лопатку Ярослава и застрял. В медсанбате осколок вытащили, но рука не действовала. В медсанбат заглянул командир полка, спросил:

– Ну, как, вояка, дела?

Ярослав, заикаясь, ответил:

– Хреновато, товарищ командир, вместо того, чтобы бить фашистов, загораю, надоело тут валяться.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался командир, – поедешь за пополнением и техникой на Урал. Командовать можно и с одной рукой.

В Горьком Кокшаров побежал на перрон за кипятком. Рядом стоял состав с гаубицами на платформах вперемежку с теплушками. Надо было найти вагон с переходной площадкой. Навстречу ему торопился молодой офицер с котелком кипятком. Ярослав случайно зацепился за котелок. Офицер отреагировал «Пожалуйста, осторожней, не расплещите». Ярославу голос показался очень родным. Остановился, пригляделся – сын. Вцепились друг в друга.

– Господи, сын, – прошептал, – ты тут?

– Сдали досрочно экзамены за первый курс всем курсом и добровольцами, хотя на геологов бронь. Как мама, девчата?

– Не беспокойся, все живы, здоровы.

Боль врезалась в сердце, ломило голову: — Увидимся ли еще?

Паровоз надсадно гудел, замелькали вагоны. Володя закричал.

— Папа, мне пора!

Передал свой котелок с кипятком отцу и запрыгнул в последнюю теплушку. Ярослав неподвижно стоял, провожая взглядом уходящий поезд с сыном. Слезинки падали в котелок с водой, в затылке гулко стучало.

Больше он сына не видел. И до самой смерти, часто ему снился один и тот же сон: он и сын в узком проходе между составами бегут друг другу навстречу, а встретиться не могут.

Старая сельская деревянная школа на высоком каменном фундаменте, дореволюционной постройки, стояла ниже плотины огромного пруда. Из-за войны учились в две смены. Пятнадцативаттные лампочки тускло светились под потолком. В печах потрескивали сырые дрова, от которых не было тепла. С задних парт не видно, что написано на доске. Голос учителя тонул в детском шуме.

Кокшаров Ярослав Павлович появился в конце войны в подшитых серых валенках выше колен, черных брюках и гимнастерке. Невысокий, верткий, сероглазый, лысоватый, больше походил на деревенского мужика, чем на учителя. Через неделю школа притихла, так как в школе были мужчины: спокойный, рассудительный директор и израненный

военрук. К этому человеку как-то сразу и у учителей, и у учеников появилось уважение.

Пацан, опаздывая на урок, мог похвастаться, как наградой: «А мне вчера Ярослав Павлович подзатыльник дал». В ответ какой-нибудь шалун отвечал: «А меня вчера за ухо оттянул». Ярослав Павлович обычно в школу приходил за час до уроков. Дети это знали и мчались в школу пораньше, чтобы хотя бы десять минут постоять рядом с ним. Для каждого у него находилось теплое отцовское слово. Расспрашивал: «Как родители? Где воюет отец? Приходят ли письма? Где погиб? Получают ли пособие?». Если у кого были проблемы, тут же брал мальчика за руку и тащил в сельсовет. Хлопотал по делу. На уроках стояла тишина. Ученики старались поймать каждое слово. Знания его были обширны, интересные факты он сообщал как из литературы, так и из жизненной практики.

Вокруг школы восстановили забор. Насаждали цветы, смородину, жимолость, сирень, а по периметру – березки. Многих подростков он спас от дурных поступков.

В 9 классе появилась тоненькая, русоголовая, с васильковыми крупными глазами 19-летняя учительница Алевтина Степановна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.